

АНАСТАСИЯ СЫЧЁВА

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА
ВО ВРЕМЕНИ

КНИГА 1

ГРАНИ НАСТОЯЩЕГО

ИДДК

Анастасия Викторовна Сычёва
Путешественница во
времени. Грани настоящего
Серия «Путешественница
во времени», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Трудно быть лингвистом. Особенно когда ты работаешь в организации, которая занимается поиском сверхъестественного в нашем мире. Особенно когда ты узнаешь, что магия действительно существует. Особенно когда на твоём пороге появляются настоящие маги и втягивают тебя в расследование убийств, совершаемых жестоким колдуном. Особенно когда ты оказываешься лишь пешкой в чьей-то чужой игре. И особенно когда ты влюбляешься в главного подозреваемого...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	56
Глава 5	72
Глава 6	87
Глава 7	102
Глава 8	116
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Анастасия Сычёва

Путешественница во времени. Грани настоящего

Пролог

Древние напольные часы пробили половину двенадцатого ночи, и старинный особняк постепенно погрузился во тьму. Две горничные, негромко переговариваясь и смеясь, прошли через огромный холл, направляясь в свои комнаты. Их смех отдался эхом от стен, и пожилой дворецкий, выключавший свет, неодобрительно покосился в их сторону. Прослужив в этом доме всю жизнь, Роджерс был уверен, что следует сохранять степенность и невозмутимость в месте, где чувствуешь себя так, словно внезапно перенёсся прямиком в девятнадцатый век. Свет тяжёлой бронзовой люстры погас, и во тьме исчезли великолепные мраморные скульптуры, созданные когда-то Бернини, широкая лестница на второй этаж, мраморный пол и картины известных мастеров в галереях второго этажа. Осталось гореть лишь несколько настенных светильников, чей приглушённый свет не позволял разглядеть убранство дома в подробностях, и большая его часть теперь тонула во мраке, придававшем особняку некий злове-

щий оттенок.

Поднявшись на второй этаж, Роджерс прошёл вглубь дома. Такой обход всего особняка он совершал каждый божий день вот уже пятьдесят с лишним лет, проверяя, всё ли в порядке, и знал его как свои пять пальцев. Вот и сейчас он не обнаружил ничего странного; всё стояло и лежало на своих местах, как и должно. Прислуга уже разошлась по своим комнатам. Напоследок Роджерс направился к просторной комнате в хозяйском крыле на втором этаже. Помедлив немного перед тяжёлой дверью, он наконец открыл её. Разительная смена обстановки каждый раз заставляла его врасплох и заставляла тревожно сжиматься сердце – слишком резким оказывался переход из благородной старины в современную больничную палату. Всю дорогую мебель, которая когда-то здесь была, давно перенесли в соседние помещения или вовсе спрятали на чердаке, и некогда хозяйская спальня теперь была заставлена дорогостоящим больничным оборудованием. При виде Роджерса дежуривший у кровати врач, который как раз собирался отлучиться, дружелюбно улыбнулся.

– Пойду сварю себе кофе, – он не удержался и деликатно зевнул, прикрыв рот ладонью. – Мне ещё всю ночь дежурить.

– Как он? – тихо спросил Роджерс, разглядывая лежавшего на больничной койке старика. Его нельзя было назвать дряхлым, но выглядел он усохшим и измождённым. Рядом с кроватью стояла капельница, тянувшаяся к спящему ста-

рику и заканчивавшаяся введённой в вену на тонкой, почти прозрачной руке иглой. Аппарат с другой стороны кровати равномерно пищал, отсчитывая пульс.

– Намного лучше, – врач улыбнулся. – Опасность позади. Думаю, завтра он уже будет в состоянии разговаривать.

Роджерс удовлетворённо кивнул. Врач вышел, а он окинул комнату цепким внимательным взглядом, которому позавидовал бы и горный орёл, подмечая, как горничные выполняют свою работу. На столике орехового дерева у окна, украшенном резьбой и завитушками, он заметил слой пыли и поджал губы. Надо будет провести с этими болтушками воспитательную беседу.

Дожидаюсь возвращения врача, Роджерс усилием воли подавлял зевки. Пора было ложиться спать, поскольку для него день в особняке начинался в шесть утра, и это только в том случае, если ночью ничего не стрясётся. Внезапно дверь приоткрылась, и на пороге показалась молоденькая медсестра Бекки. Тёмные волосы были гладко зачёсаны, на мир она смотрела через очки в тонкой изящной оправе, и вид у девушки был очень интеллигентный. Смотреть на неё доставляло Роджерсу удовольствие.

– Мисс Ширли? – удивился он. – Я был уверен, что вы уже ушли.

– Я забыла мобильный телефон, мистер Роджерс, – вежливо сообщила девушка, глядя на него снизу вверх огромными карими глазами, напоминавшими ему олени. – Я без

него как без рук. А Мэтт вышел? Давайте я побуду с ним, — она кивнула на пациента — пока он не вернётся. Вы, кажется, устали.

Отказываться от предложения Роджерс не стал.

— Конечно, — кивнул он. — Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Дворецкий скрылся из виду, и девушка продолжила свой путь. В комнате, где лежал старик, она осмотрела оборудование, а потом перевела взгляд на спящего. Усмехнувшись каким-то своим мыслям, она достала из кармана халата шприц и ампулу с обычной водой для инъекций. Провела над ней рукой, прошептала несколько слов, и с её пальцев сорвалась тёмно-серая струйка дыма. Легко проникнув сквозь стекло ампулы, дым устремился в воду и пропал, словно растворившись в ней. Медсестра наполнила шприц, подошла к капельнице и недрогнувшей рукой ввела в неё содержимое шприца. Примерно полминуты ничего не происходило, а затем старик на кровати вдруг глубоко вздохнул во сне — в последний раз. Отсчитывавший пульс аппарат истерически запищал, на мониторе высветился ноль, а кривая, отображавшая удары сердца, теперь стала совсем прямой. Удовлетворённо кивнув, девушка убрала в карман шприц и ампулу и вышла в коридор, прикрыв за собой дверь.

Спустившись на первый этаж, она была вынуждена резко остановиться и отпрянуть к стене, чтобы не врезаться в возвращавшегося с кухни врача. В руке тот держал чашку с ко-

фе. Мужчина остановился буквально в десяти сантиметрах от неё и недоумённо покрутил головой, словно почувствовав постороннее присутствие. Дважды он устремлял взгляд прямо на неё, но так и не увидел застывшую буквально в двух шагах от него девушку. Пожав плечами, он, наконец, ушёл.

Медсестра прибавила шаг. На улицу она вышла тем же путём, что и вошла – через чёрный ход. Теперь ей стоило поскорее убратъся отсюда. Взятая напрокат машина – тёмная, незаметная – была припаркована у ограды. Охранник в сером костюме в будке у ворот даже не поднял головы при её приближении, как и врач в доме, и она просто прошла мимо и бесшумно выскользнула в калитку. Заведя мотор, она отъехала по пустому шоссе, пока особняк не скрылся из виду, и только потом позволила себе слегка расслабиться. Съехав к обочине, она достала из кармана белого халата телефон и одновременно провела рукой перед своим лицом. В ту же секунду личина хорошенькой Бекки Ширли задрожала и расплылась, а вместо неё на водительском сиденье вдруг появилась совершенно другая женщина. Очень светлые, почти платиновые волосы были небрежно заколоты на затылке, а льдисто-голубые глаза смотрели совершенно хладнокровно. Никакого раскаяния от содеянного женщина не испытывала.

– Всё сделано, – коротко отчиталась она, когда ей ответили. – Он мёртв.

– Великолепно, – удовлетворённо отозвался голос в трубке. – Умница. Теперь отправляйся в Оствик, ты мне там по-

надобишься. Встретимся через два часа.

Фальшивая медсестра вся скривилась из-за того, что ею так открыто помыкали, но возражать не посмела. Поняв, что разговор завершён, она только вдавила педаль газа в пол – единственный доступный ей на данный момент способ выплеснуть свой гнев.

Тем временем человек, с которым она только что говорила, улыбнулся и с удовольствием отпил виски из широкого стакана. Настроение было превосходным. Приятно звякнули друг о друга льдинки.

– Пора начинать.

Глава 1

Противный жужжащий звук ворвался в моё сознание, и я сонно захлопала глазами, пытаюсь понять, что происходит. Затем Рольф Каспарек¹ начал в полный голос распевать про необитаемый остров и жертв кораблекрушения, и я разочарованно вздохнула. Вот и будильник зазвонил, пора вставать...

Однако, минутку... Только в этот момент я сообразила, что за окном совсем темно – утренний свет и не думал пробиваться через штору – а на будильнике у меня, собственно, стояла совсем другая песня. В довершение картины, наручные часы, лежавшие поверх телефона на прикроватной тумбочке, в неверном свете дисплея нахально показывали пять утра. Прищурившись – глаза, не привыкшие к свету, неприятно резало – я взяла телефон и обнаружила, что будильник и не думал звонить, а вот абонент под названием «Патрик» – ещё как.

Только этого не хватало. Лучше бы это будильник звонил, ей-богу!

– Да! – обречённо ответила я, покорившись судьбе.

– Доброе утро! – бодро поздоровался голос на том конце провода, и я задалась вопросом, ложился ли его обладатель

¹ Вокалист немецкой пауэр-метал группы «Running Wild».

этой ночью вообще спать. – Джейн, прямо сейчас выезжай на юг, в направлении аэропорта Гатвик. Доедешь до Кроули и свернёшь на восток, поняла? Твоя цель – деревня Оствик.

– Отлично, – с готовностью согласилась я, пропуская вторую часть указаний мимо ушей и устраиваясь поудобнее на подушке. Глаза слипались, и мне совсем не было интересно, ради чего Патрик разбудил меня в такую рань. Хорошо, что ещё пару часов можно будет поспать...

– Джейн! – повысила голос трубка, а затем искренне изумилась. – Ты что, всё ещё спишь?!

В этот момент до меня медленно начало доходить, что это не розыгрыш и не дурной сон, и глава «Искателей» в самом деле намерен поднять меня в пять утра ради вылазки куда-то к чёрту на рога за город. От этой мысли сонливость слетела как-то сама собой.

– Патрик, что происходит? Ты на часы вообще смотрел? – позабыв о субординации, недовольно осведомилась я.

– О, проснулась! – обрадовалась трубка, несколько не обидевшись на мой резкий тон. – Прекрасно, можно больше не терять время. Джейн, ты поняла, куда надо ехать, или мне ещё раз повторить?

Нет, мне, конечно, было известно, что для Патрика не существовало деления на хобби, частную жизнь и работу, и исследованиями «Искателей» он мог заниматься в любое время дня и ночи, не считаясь с мнением и удобством тех несчастных, с кем ему приходилось работать. Но сегодняш-

ний случай был перебором даже для него самого. А поскольку Патрик всё же представлялся мне здравомыслящим человеком, хоть временами и увлечённым, я села, свесив ноги, и нашарила у кровати домашние туфли. Может, и впрямь произошло что-то серьёзное? Конечно, сложно назвать серьёзным событием обнаружение очередного древнего текста, но, учитывая, с текстами какого рода «Искатели» обычно имели дело, ожидать можно было что угодно...

– Повтори-и-ить, – на последнем слове я не выдержала и зевнула, а затем подошла к письменному столу, включила лампу, разыскав ручку и лист бумаги, в глубине души надеясь, что от внеплановой экскурсии в деревню мне всё же удастся отмазаться. Спутанные волосы свешивались поверх мобильного и лезли в рот, и я раздражённо отмахнулась от них свободной рукой. – Патрик, что-то случилось? Помнится, ты раньше никогда не посылал меня за город. Может, поступим, как обычно? Ребята всё сфотографируют, запротоколируют, а я потом посмотрю?

Но сбить его с толку было не так-то просто.

– Если бы всё было так легко, я бы тебя не будил, – назидательным тоном произнёс Патрик, и я отчётливо представила себе, как он в тот момент выглядел – строго нахмурившийся немолодой уже сухощавый мужчина в очках с толстыми стёклами. – Нужно, чтобы ты сама взглянула и составила своё мнение. Мои... источники сообщили, что это не совсем типичный случай.

– Не совсем типичный случай для сверхъестественного сообщества или для нас? – ехидно осведомилась я, не желая вдаваться в подробности, какие источники он имел в виду. Но Патрик пропустил мои слова мимо ушей.

– В общем, собирайся и выезжай. Алекса и остальных я уже разбудил, они тоже отправляются. И проснись уже! Возможно, мы столкнулись с чем-то совершенно новым!

– Жажда знаний тебя когда-нибудь погубит, – пробурчала я, смиряясь с неизбежным. Любой средневековой ведьме было проще отвязаться от толпы инквизиторов, чем нам с ребятами от Патрика, когда в воздухе повеяло новым, доселе неизвестным сверхъестественным открытием.

– Если тебя эта мысль утешит, то гонорар за работу будет стандартный, плюс премия за выезд, – несколько свысока и, я бы даже сказала, брезгливо добавил Патрик, презируя саму мысль о том, что можно работать ради презренного металла, а не из любви к науке.

– С этого надо было начинать, – мстительно заявила я, окончательно просыпаясь. Пожалуй, ради повышенного гонорара можно и прокатиться.

Патрик только что-то высокомерно фыркнул, потом продиктовал адрес, и мы распрощались.

Пожалуй, было не совсем понятно, чего ради Патрик так настаивал на моём присутствии в этой деревне, а не в офисе «Искателей» на Пэлл-Мэлл. Никаким экспертом я не являлась, и какое такое «своё мнение» я должна составить, тоже

оставалось загадкой. Моё дело было простым – переводить древние тексты на английский язык, и этим я прекрасно занималась у себя дома в компании словарей и справочников. Для подобных же «выездных» случаев у Патрика была своя оперативная группа, с которой я обычно встречалась только в его офисе – группа молодых ребят, примерно моих ровесников, которых не очень пугал тот факт, что мир сверхъестественного – не выдумка писателей, а суровая реальность. Интересно, они все привыкли к подобным звонкам посреди ночи, или сегодняшний случай – исключение, и Патрик уже несколько раз за утро выслушал всё, что они о нём думают?..

На кухне я первым делом поставила чайник на плиту, сушила пару хлебцев в тостер, а затем вышла в коридор и прислушалась. В комнате Теи было тихо, что неудивительно – все нормальные люди в это время ещё спят. Стараясь не шуметь, я включила телевизор на кухонной стойке, сделав звук потише, чтобы послушать прогноз погоды, но вместо него попала на заканчивавшийся выпуск новостей. Сиявшая утренней улыбкой ведущая что-то бодро вещала, и я задавалась философским вопросом, как ей удаётся выглядеть в такую рань настолько свежей и жизнерадостной. Ведь для того, чтобы сесть в пять утра перед камерой, встать ей пришлось самое позднее часа в два. Или она родственная душа Патрика, которая предпочитает по ночам вовсе не ложиться? Потом засвистел чайник, и от философских мыслей пришлось отвлечься, пока я быстро накрывала на стол. Кстати, стоит

ли сделать ещё сэндвичей с собой или понадеяться на то, что надолго мы в этом Оствике не задержимся?..

— К другим новостям. Известный миллионер и филантроп Уильям Майклсон скончался вчера вечером в своём поместье в Суррее от сердечного приступа. Врачи утверждают, что за последние месяцы это был уже третий приступ. На момент смерти Майклсону было девяносто два года. Всё своё состояние миллионер завещал благотворительному комитету «Король Генрих», председателем которого он был в течение более чем тридцати лет. Прощание и поминальная служба пройдут в...

Ведущая продолжала вещать, пока по телевизору показывали сменяющие друг друга кадры, на которых главным действующим лицом был мужчина почтенного возраста, не выглядевший особо старым. Кадры были вполне традиционные — вот миллионер на торжественном открытии какого-то учреждения, а рядом с ним — мэр Лондона, вот с ним беседует королева, вот он рядом с премьер-министром, вот он в тяжёлом кресле у камина в своём поместье... Архивные кадры сменили другие — люди в чёрном со скорбными лицами всё в том же поместье. Интересно, у этого миллионера остались родственники? И как они отнеслись к тому, что все его миллионы благополучно уплыли мимо них в благотворительное общество?

Да когда уже будет этот прогноз погоды?

И хотя Патрик не оставил чётких указаний относительно

того, во сколько надо быть в этой деревне, я предпочла особо не расслаиваться и быстро собралась в путь. Вещей с собой взяла мало, поскольку не имела никакого представления о том, что именно мне предстояло увидеть, и оставив на кухне записку для сестры с объяснением, куда я пропала, вышла из дома.

Если в этой ранней поездке и было что-то хорошее, так это то, что в шесть утра по лондонским улицам ехалось очень легко и быстро. Двигаясь из района Brentford, где жили мы с Теей, я легко пересекла центр города. Свернув на юг, я через полчаса миновала упомянутый Патриком Гатвик и теперь ехала по направлению к Кроули. Трасса была почти пустой – в такую рань из города никто не ехал. К тому моменту, как я добралась до небольшого городка, уже рассвело, и я успела созвониться с остальными несчастными, которых Патрик отправил в Оствик, и договориться о встрече.

Около половины восьмого я, с ветерком прокатившись по сельской местности, добралась до небольшой деревушки, которую даже как-то странно было видеть в такой близости от Лондона. Далее, следуя указаниям Патрика, я не поехала в сам Оствик, а свернула на просёлочную дорогу и медленно, внимательно глядя в лобовое стекло, чтобы не въехать в какую-нибудь канаву, из которой потом своими силами никак не выберусь, поехала куда-то в сторону от деревни. Место, названное Патриком, на картах никак не обозначалось, так что на навигатор можно было не рассчитывать.

Пришлось осторожно пробираться по узкой тропе, опираясь только на весьма туманные ориентиры, оставленные руководителем «Искателей». Впрочем, заблудиться тут было бы сложно – хоть Оствик и остался где-то вдалеке, равнинная местность просматривалась далеко. Типичный английский пейзаж – молодая весенняя зелёная трава и хмурое серое небо. Дождь был готов начаться в любой момент. А вот неделю назад была Пасха, и было уже по-летнему тепло, солнышко светило, и лондонцы охотно устраивали пикники в парках...

К нужному месту я выехала неожиданно. То есть не совсем так – две машины, среди которых я разглядела серебристую «Хонду» Шарлотты, я заметила издалека, только вот ничего «сверхъестественного» поблизости по-прежнему не наблюдалось. Автомобили стояли на небольшом возвышении, сразу за которым начиналась низина. Второй – роскошный «Ягуар» – я видела впервые, и он определённо не мог принадлежать никому из моих друзей. При моём появлении дверь «Хонды» открылась, оттуда вылезла Шарлотта и, отчаянно жестикулируя, знаками показала мне, куда поставить машину.

– Привет, – поздоровалась она, зябко кутаясь в щегольскую красную кожаную курточку, когда я вышла. Открытые лодыжки неприятно обдало холодным ветром, и я пожалела, что не оделась потеплее. – Алекс звонил десять минут назад, они скоро приедут.

– Ты не опоздала? – совершенно искренне поразила я. Сколько я её знала, Шарлотта всегда на любые встречи являлась с пятнадцатиминутным опозданием, и с этим никто ничего не мог поделать – ни её друзья, ни родные, ни школьные учителя, ни сменившие их преподаватели в университете, ни, наконец, начальство в лице Патрика.

– Мне Алекс сказал, что мы встречаемся в семь пятнадцать. Я приехала в половину восьмого. Судя по всему, он специально это сказал, чтобы я не опоздала. Скотина...

– А это кто? У нас конкуренты? – поинтересовалась я, кивая на «Ягуар». Здесь, в этом захолустье, он смотрелся совершенно инородным элементом, как бриллиантовое кольцо на уборщице.

Шарлотта неопределённо пожала плечами и сунула нос в шарф.

– Понятия не имею. Когда я приехала, машина уже стояла. Вот только кто поедет сюда в такую рань? Вон они, кстати, ходят.

Она махнула рукой в сторону низины, и я, проследив за её жестом, и впрямь заметила вдалеке две расплывчатые фигуры, бродившие вокруг каких-то камней. Разглядеть их подробнее я не могла, но и интереса они не вызвали. В конце концов, для переговоров с посторонними у нас был Алекс. Вот пускай он и разбирается с ними, когда приедет...

Сбоку хлопнула носом Шарлотта, и я повернулась к ней. Та переступала ногами в сапожках на высоком каблуке в по-

пытках согреться. Каблуки и узкая шерстяная юбка до колен вместе с лёгкой курточкой совершенно не вязались с окружающей обстановкой. Это было странно – на подобные выезды Патрик отправлял Шарлотту регулярно, и она уже должна была понять, как стоит одеваться.

– Как-то ты не подготовилась к поездке, – заметила я, но она только отмахнулась:

– У меня в двенадцать встреча с моим байкером, и зная Патрика, я сильно сомневаюсь, что мне удастся попасть домой до этого времени.

– И как байкер? – рассеянно спросила я. Кавалеры у Шарлотты менялись с завидной регулярностью, так что было совершенно бессмысленно их запоминать, как и спрашивать имя нового. Подруга в очередной раз подтвердила эту мысль, когда довольно равнодушно отозвалась:

– Нормально. Не думаю, что мы с ним долго пробудем вместе: он настроен на серьёзные отношения, семью... Я пыталась объяснить ему, что семья и быт уничтожают любовь и всё хорошее, что есть в отношениях, но кажется, я его не переубедила.

Я молча покосилась на неё, не спеша делиться своим мнением. У Шарлотты были своеобразные взгляды на мир, которые были понятны далеко не всем.

Она была старше меня на один год. Нас познакомил Патрик четыре года назад, когда впервые взял меня на работу, а Шарлотта уже несколько месяцев работала фотографом в

«Обществе Искателей». Вскоре выяснилось, что наше с ней пристрастие к тяжёлой музыке было общим, и потому мы быстро подружились. Она была натура творческая – занималась танцами, писала в свободное время стихи, неплохо рисовала. Эта творческая жилка вместе с некоторой романтичностью характера во многом сформировали её мировоззрение и поведение, казавшееся многим эксцентричным и вызывающим. Саму себя Шарлотта называла фаталисткой, верила в судьбу, в свои двадцать пять считала себя безнадежно старой и многое повидавшей, всегда открыто высказывала своё мнение, презирала мужчин и отчаянно искала новых впечатлений и ощущений. Именно поэтому, как мне кажется, она и оставалась в «Обществе» – мир сверхъестественного точно должен был казаться ей притягательным и загадочным. Благодаря этой же тяге к новым ощущениям и чему-то трагичному, она встречалась исключительно с какими-то тёмными, не вызывающими никакого доверия личностями. Нередко это бывали такие же творческие натуры, как и она сама. Последним её кавалером и вовсе был какой-то женатый мужик, уже имевший две семьи и не скрывавший этого. Шарлотта почему-то провстречалась с ним целый год, за который они раз пять расставались и сходились снова, пока не разругались окончательно. Моя сестра её терпеть не могла, считая грубой и пошлой. Я сама полагала, что Шарлотта выбрала себе некую роль, в которую она так вжилась и которую так самозабвенно играла, что в итоге сама начала

в неё верить. При всём этом она была великолепно начитанной, весьма самокритичной, наблюдательной, часто смотрела на вещи более трезво, чем многие из моих знакомых, и обладала превосходным чувством юмора.

Лично мне с ней было интересно.

– Ох, ну наконец-то! – проворчала тем временем она, и я, вынырнув из собственных мыслей, обнаружила, что в нашу сторону пробирался третий автомобиль – старый «Пежо» синего цвета.

– Вас только за смертью посылать! – громко возмутилась она, едва обе передние двери открылись. – Мы здесь уже задубели, пока вас ждали! И ещё говорят, что женщины всегда опаздывают!

Новоприбывшие не обратили на её праведный гнев никакого внимания. Собственно, на нас с Шарлоттой Алекс и Мартин не смотрели вовсе: их взгляды были прикованы к небрежно припаркованному «Ягуару», и лица обоих, как по команде, стали одухотворёнными и строгими, как у католических паломников, впервые попавших в Собор Святого Петра в Ватикане.

– Это же F-Type SVR, правильно?

– Он же разгоняется до шестидесяти двух миль в час за четыре секунды!

– За какие четыре, за три с половиной!

– А максимальная скорость у него какая? Миль двести в час?

– А может, и все двести десять!

– Кхм-кхм! – громко прокашлялась Шарлотта. Восхищённые парни её даже не услышали, и та недовольно крикнула. – Может, мы уже займёмся делом?!

– Помолчи, женщина, – не оборачиваясь, пробормотал Алекс, и Мартин поддержал его одобрительным мычанием. – Ты ничего не понимаешь в настоящей жизни...

– Джейн, у тебя есть гвоздь? – поинтересовалась подруга. – Сейчас я ему на его драгоценном «Пежо» что-нибудь нарисую...

И хотя на фоне «Ягуара» старый «Пежо» казался не слишком драгоценным, Алекс её всё же услышал и с неохотой вернулся из нирваны.

– Так, а что вы всё ещё здесь стоите? – искренне удивился он и хлопнул по плечу своего спутника – худенького юношу в очках, возвращая его в реальный мир. – Могли бы к нашему приезду уже разведать обстановку, посмотреть, что здесь да как... Кстати, привет, Джейн!

– Привет, Алекс.

– Нет, ты слышала? – обратилась Шарлотта ко мне, и я увидела, что она не злится по-настоящему, а просто развлекается. – Мы теперь ещё и виноваты! И вообще...

За это время Алекс с видимой неохотой оторвался от созерцания «Ягуара», вытащив из салона картонную подставку с четырьмя стаканами и пакет, от которого немедленно поплыл умопомрачительный запах. Шарлотта осеклась на по-

дуслове и с интересом принялась. Алекс с некоторой опаской протянул ей стаканы, всем своим видом демонстрируя, что при первом знаке опасности бросится наутёк.

– Кофе? – уточнила Шарлотта, изучая стаканы, а затем потянулись к пакету. – Пончики? Вы поэтому задержались? Вы прощены.

Мартин тихо хмыкнул. Стаканы и пакет быстро пошли по кругу. Горячий кофе в такой холод показался настоящим спасением. Алекс ещё пытался сосстрить на тему, что пончики нам с Шарлоттой не полагались – мол, мы девушки и должны следить за фигурой – но тут уже ему пришлось отбиваться от нас обеих. Торопливо признав, что он был не прав, он предложил сменить тему, и тут Мартин решил отвлечь наше внимание, спросив, кто ещё сюда приехал. Позабыв о шутиливой ссоре, мы дружно посмотрели сперва на «Ягуар», а затем заглянули в низину, где по-прежнему виднелись две фигуры.

– «Пришельцы»? – предположила я.

Алекс покачал головой. Сейчас, сконцентрировавшись на работе, он внезапно преобразился – праздное безделье куда-то пропало, он сосредоточился, а его глаза прищурились. На дорогущее авто и на людей внизу он теперь смотрел холодно-оценивающе.

– Сомневаюсь. Это место расположено слишком далеко от людских глаз, чтобы кто-то мог так быстро собраться и приехать. Патрик нас прислал сюда после сообщения своих за-

гадочных «источников». Случайные прохожие не появились бы здесь так быстро.

– Могут возникнуть проблемы? – вскинулся Мартин, торопливо поправляя очки.

– Вряд ли. Но ждать, когда они отсюда уедут, большого смысла нет...

– Пойдёмте, что ли? – предложила окончательно замёрзшая Шарлотта, доставая из машины кофр с фотоаппаратом и техническими причиндалами. – У меня в двенадцать свидание, и я не хочу его пропустить.

Её слова отвлекли Алекса, и в следующую секунду он каким-то волшебным образом снова стал похож на «своего» рубаху-парня.

– Да? – немедленно заинтересовался он. – И как там поживает Роб?

– Понятия не имею, мы с ним давным-давно расстались!

– А свидание тогда с кем?

– С Томом!

– А!.. – глубокомысленно изрёк Алекс. Мы втроём уже стояли у склона, за которым начиналась низина, и дожидались Мартина, достававшего из багажника своё оборудование – колбы, чехлы с пинцетами, щёточками и кисточками и прочую мелочь. – Ну, Роб, Том – разница невелика...

Шарлотта фыркнула, но спорить не стала. Сам того не подозревая, Алекс очень чётко сформулировал её позицию насчёт того, что все мужчины абсолютно одинаковы.

Через несколько секунд к нам уже подошёл Мартин. Перехватив поудобнее сумки с необходимыми вещами, мы начали спускаться вниз.

Глава 2

Спуск в низину занял неожиданно много времени. Идти приходилось очень осторожно, широко расставляя ноги и размахивая руками в попытке удержать равновесие. Ноги скользили по склону – трава производила обманчивое впечатление. После недели дождей земля была влажной, чавкала под ногами, и ботинки проваливались в неё. Холодный ветер задувал за шиворот, так что не всегда помогал даже повязанный вокруг шеи платок, дул в уши, обдавал противной мелкой изморосью лицо. Пальцы немедленно заledenели, и я пожалела, что оставила дома перчатки и шапку. Волосы на голове, утром уложенные в какую-никакую, но всё же причёску, давно превратились во что-то невообразимое и отчаянно мешали видеть, а открывать зонтик было просто самоубийственно – ветер его бы сразу вывернул наизнанку и унёс в голубые дали вместе с владельцем. От кроссовок комьями отваливалась грязь.

Хорошо на природе весной.

Когда мы наконец-то очутились внизу, высокие шнурованные ботинки Алекса, кеды Мартина, сапожки Шарлотты и мои кроссовки выглядели примерно одинаково. Какое-то время мы потратили, счищая с них землю. Шарлотта приглушённо ругалась себе под нос, поскольку её каблуки чистились хуже всего. Впрочем, сколько я её помнила, на каб-

луках она ходила всегда по причине очень маленького роста, и я бы не очень удивилась, если бы узнала, что другой, «бескаблучной» обуви в её гардеробе нет вовсе.

– Ладно, всё равно это бессмысленно, – наконец вынес вердикт Алекс, и мы, махнув рукой на грязь, пошли дальше.

Внизу было заметно холоднее – несмотря на большой платок, обёрнутый вокруг моей шеи два раза и все мои попытки закутаться в куртку, меня всё равно пробрала дрожь. Наша цель представляла собой древние, разбросанные кругом камни разного размера, группировавшиеся вокруг одного центрального – широкой, плоской, врытой в землю каменной плиты, напоминавшей могильную. Расстояние между камнями было маленьким, но достаточным, чтобы там мог пройти один человек, и в целом местный Стоунхендж занимал сравнительно небольшую площадь. На то, чтобы обойти его кругом, ушла бы всего пара минут.

У одного из особенно крупных валунов Шарлотта остановилась, поставила на него кофр и начала настраивать фотоаппарат. Алекс неторопливым прогулочным шагом прохаживался рядом. Мартин окидывал зорким взглядом камни, пытаясь увидеть в их постановке какой-то смысл. Я недоумённо оглядывалась, пытаясь определить, что именно здесь должна анализировать я, и в этот момент из-за самого дальнего камня, который был здесь самым высоким и большим, вышли те двое, кого мы заметили ещё наверху. Они целенаправленно двинулись в нашу сторону, и теперь я могла раз-

глядеть пришельцев – мужчину и женщину, подробнее. Увиденное заставило меня вопросительно вскинуть брови.

Пожалуй, Алекс всё же ошибся, и эти двое действительно были только любопытствующими, поскольку иного объяснения появлению такой колоритной пары я придумать не могла. Мужчина был выше меня на голову, – что было примечательно, учитывая мой рост почти шесть футов – молод и красив самой настоящей киношной красотой, которую нигде, кроме телеэкрана, и не встретишь, так что я невольно приостановилась, рассматривая его во все глаза. Тёмные волосы были небрежно растрёпаны ветром, некоторая бледность относилась к разряду «интересных», небольшая щетина казалась вполне себе мужественной, глаза горели, как у Чайльд Гарольда. Вдобавок ко всему, по дорожному кашемировому пальто и щегольским ботинкам, которые я видела только в модных каталогах, временами изучаемых Теей, сразу становилось понятно, что перед нами стоял владелец того самого «Ягуара», который произвёл на ребят столь неизгладимое впечатление. Ботинки, правда, были всё в той же грязи, но менее шикарными они от этого не становились.

С ума сойти. До сегодняшнего дня я думала, что подобные мужчины встречаются только в любовных романах.

Его спутница производила гораздо менее сильное впечатление и настолько не подходила ему, что я сразу решила, что она либо водитель, либо, на худой конец, личный камердинер. Хмурая тётка неопределённого возраста в обычном

дождевике и резиновых сапогах весёлого жёлтого цвета остановилась рядом со своим начальником и недружелюбно посмотрела на нас. На голове у неё был повязан платок, целиком скрывавший волосы, и я решила, что ей в районе сорока. Впрочем, учитывая погоду и место, куда мы приехали, пожалуй, она подготовилась к вылазке лучше нас всех.

– Доброе утро! – весело поздоровался красавец-мужчина, и я торопливо одёрнула саму себя, сообразив, что совсем невежливо глазею на него. – Вы заблудились?

– Доброе, – вежливо ответил Алекс. Всеми переговорами с посторонними во время подобных «выездов» занимался он. – Нет, мы приехали осмотреть это место. Мы историки.

– Студенты? – с живым интересом уточнил тот.

– Мы из исторического кружка, – уклончиво ответил Алекс. Похоже, он тоже решил, что эти двое – всё же обычные зеваки, и с ними в подробности можно не вдаваться.

– Что ж, не уверен, что вы найдёте что-нибудь интересное, – пожал безупречными кашемировыми плечами незнакомец. – Мы здесь облазили всё вокруг и не увидели ничего, достойного внимания. Да, Роуз?

Тётка совершенно равнодушно наклонила голову, что можно было интерпретировать как угодно.

– Но мы, пожалуй, попытаемся, – грудным, «специальным» голосом вмешалась Шарлотта, выходя вперёд и не отрывая заинтересованного взгляда от мужчины напротив. По-

хоже, даже её, несмотря на показное безразличие к мужчинам, сошедший со страниц романа герой-любовник заинтериговал. – Ведь часто самые необычные вещи оказываются скрыты, находясь на виду.

До этого момента Шарлотта стояла позади нас, и заметить её с её маленьким ростом, который не исправляли даже каблуки, было не так просто. Но сейчас, когда она вышла вперёд, мужчина посмотрел на неё с внезапно вспыхнувшим любопытством. Оценил узкую юбку и стройные ноги. Особенного пристального взгляда удостоился фотоаппарат в руках подруги. Затем владелец «Ягуара» склонился в лёгком, несколько старомодном поклоне:

– Вы совершенно правы, мисс. Могу ли я узнать ваше имя?

– Насколько я помню правила этикета, первым представляется джентльмен, – непринуждённо заметила Шарлотта, мгновенно принимая правила игры.

– Прошу простить мне мою грубость, – тот покаянно склонил голову, и я тихонько вздохнула. Этот жест – совершенно книжный, киношный, театральный и ещё бог знает какой – в реальной жизни смотрелся очень странно, но от этого не становился смешным или неуместным. Наоборот, всё больше хотелось верить в то, что прекрасные принцы всё же существуют и иногда попадают на нашу скучную и прагматичную планету. – Меня зовут Майкл Фостер. Это Розмари Блэквуд, – он кивнул на свою спутницу, которая даже не поше-

велилась, когда он её назвал.

– Шарлотта Соммерс, – представилась подруга и неопределённо махнула рукой в нашу сторону. Неопределённо – потому что всем её вниманием в тот момент владел бог Аполлон. – А это мои друзья – Алекс Купер, Мартин Дрейк и Джейн Эшфорд.

– Очень красивое имя, Шарлотта, – заверил её Майкл Фостер, оставив меня и ребят без какого-либо внимания. Где-то внутри что-то разочарованно ёкнуло – ну почему он даже не взглянул на меня, когда они с этой Розмари только подошли, зато стоило показаться Шарлотте, как он сразу обратил внимание на неё? – но жалеть себя сейчас явно было не время. – Так, значит, вы фотограф?

– Верно, и было бы неплохо наконец-то приступить к работе, – решительно отозвалась Шарлотта, следуя всё тем же правилам. Согласно им, теперь следовало дать понять кавалеру, что на нём одном свет клином не сошёлся, и у красивой умной девушки и без него найдётся, чем заняться.

– Я провожу вас, – немедленно вызвался кавалер, хотя провожать тут было всего два шага и заблудиться было в принципе невозможно. – Роуз, ты пока не скучай.

Они вдвоём неторопливо направились к центру нагромождения камней. Тётка последовала за ними на небольшом отдалении. Алекс опёрся на один из валунов – угрозы эта парочка, похоже, не представляла, и можно было расслабиться. Мы с Мартином переглянулись. Он философски по-

жал плечами, и мы тоже отправились разглядывать камни, выискивая что-нибудь необычное. Разбросанные булыжники, возможно, несли какую-то историческую, археологическую или сверхъестественную ценность, но ничего интересного для меня, как для филолога, не представляли. Оставалось непонятным, зачем Патрик выдернул меня в такую рань из дома. Время от времени до меня доносились смех и отрывки разговора Шарлотты и её нового знакомого, а также звук затвора фотоаппарата. Тётка бродила поблизости. Мартин присел у одного камня и теперь внимательно его разглядывал, а потом и вовсе достал из сумки прозрачный контейнер, щёточку и аккуратно принялся соскабливать что-то с булыжника. Шарлотта и герой исторического романа отошли куда-то к дальним камням, а я наконец-то смогла подойти к центральному, больше похожему на надгробие, и именно в этот момент поняла, почему мне позвонил Патрик.

– Любопытно, – протянул подошедший вплотную Алекс. Я, увлёкшись рассматриванием, не услышала его появления и сильно вздрогнула. – Это как раз по твоей части?

– Пожалуй, – задумчиво отозвалась я, а потом достала из сумки блокнот, ручку и начала перерисовывать изображённые прямо на камне символы. Конечно, Шарлотта потом пришлёт фотографии, но мне всегда было легче думать, когда я писала своей рукой.

– Но ведь ты, насколько я помню, переводчик с древнеирландского, – осторожно вмешался Мартин, который прибли-

зился к камню и теперь с любопытством его изучал. – Однако разве это...

– Это не древнеирландский, – подтвердила я. – Это руны. Древнегерманская письменность, которая возникла ещё в первом веке нашей эры, а в одной провинции в Швеции использовалась вплоть до девятнадцатого века.

Пока я говорила, Мартин достал из рюкзака какой-то инструмент, напоминающий длинную иглу, и осторожно потыкал ей в одну из рун. Затем скосил немного краски, внимательно посмотрел на неё и понюхал. Очки съехали на кончик носа, и он нетерпеливым жестом водрузил их на место.

– Это сочинение явно появилось здесь не в девятнадцатом веке, – уверенно заявил он. – Краска свежая. Чем именно писали, пока не скажу, тут надо анализ проводить.

– Кровью? – с интересом предположил Алекс. Мы втроём оценивающе посмотрели на ряд чёрных значков, и он сам с видимым разочарованием ответил на свой вопрос. – Нет, не похоже...

– Посмотрим. Но это точно не краска из хозяйственного магазина, – Мартин закончил собирать образец в пробирку и обратился ко мне. – Джейн, а ты уверена, что это наш случай? Может, просто какие-нибудь любители скандинавистики ки развлекались?

Я подошла ближе, пристально вглядываясь в значки на камне, словно от этого они могли стать понятнее, и там сам бы собой появился перевод. Собственно, рун было не так

много: всего восемь символов в ряд, вокруг которого находились ещё четыре – один сверху, один снизу и два по бокам.

– Пока не могу сказать. С одной стороны, это вполне может быть нашим делом, поскольку большинство магических ритуалов и заклинаний, как нам известно, возникло много веков назад, и записывали их на древних языках, которые когда-то были вполне живыми – латынь, древнегреческий, древнеирландский, иврит... Руническая письменность старше всех германских древних языков, даже готский возник позже. А перед нами ещё и старший футарк – самый старый из рунических алфавитов, насколько я могу судить. Так что это мог быть магический ритуал.

– Ты и в рунах разбираешься? – с уважением спросил Мартин.

Откуда-то сзади раздался взрыв смеха, и я на секунду обернулась. Шарлотта и прекрасный принц продолжали флиртовать. Спутница Фостера скучала рядом, и те двое не обращали на неё никакого внимания.

– На самом деле не очень, – честно призналась я, отвернувшись от них и возвращаясь к местной «наскальной живописи». – Что-то нам рассказывали в университете, о чём-то я читала сама.

– Но раз ты можешь даже определить, насколько древний этот алфавит...

– Потому что это довольно легко! Я определила только потому, что вон та руна, – я ткнула в один символ, – кото-

рая называется «Перту», не встречается в младшем футарке. Плюс, сами древние германцы для магических целей использовали только старший футарк. Руны из младшего алфавита использовали исключительно для мемориальных надписей. А прочесть и перевести я это сходу не могу, поскольку не все руны помню наизусть. Мне надо посидеть дома со справочниками. Но я могу ошибаться, и на самом деле ничего сверхъестественного здесь не произошло.

– Почему?

– Потому что руны нарисованы, а не вырезаны, – пояснила я. – Очень часто германцы их именно вырезали – на дереве, на костях, камнях, металле. Поэтому все руны состоят из углов и прямых линий – так их легче вырезать. Почему же здесь их написали?

Парни неопределённо пожали плечами, но я и не ждала от них ответа. Мы провели у центрального камня ещё минут десять. Мартин взял на анализ краску с ещё нескольких рун, я на всякий случай сфотографировала надписи на телефон. Когда время стало приближаться к десяти утра, Алекс решительно отправился возвращать Шарлотту с небес на землю. Шарлотта подтвердила, что её работа сделана, и что она готова ехать. Мужественное чело прекрасного принца омрачило искреннее огорчение, к которому не смог бы придаться и театральный актёр с сорокалетним стажем, и мы все вместе стали подниматься по склону к машинам.

– Вам удалось обнаружить что-нибудь, заслуживающее

внимания? – непринуждённо обратился к нам Майкл, когда мы, достигнув вершины, принялись приводить в порядок обувь и убирать вещи в багажники.

– Увы, – развёл руками Алекс. – Помимо тех каракулей на плите – ничего. Зря прокатились.

– Не согласен, – энергично возразил Майкл, горящим взглядом глядя на Шарлотту. Она делала вид, будто ничего не замечает, но на губах проскальзывала довольная улыбка, которую ей не удавалось скрыть. – На мой взгляд, совсем наоборот. Это утро...

Что-то в его словах вдруг прозвучало на редкость фальшиво, словно у актёра, который вжился в роль и до этого великолепно её играл, но в какую-то секунду запнулся и выбился из образа. Это произошло так стремительно, что я решила – мне показалось. Захотелось послушать, что он скажет дальше, чтобы определить, была это игра или нет. Но ничего не получилось. Его молчаливая спутница, которая до этого держалась позади, вдруг негромко сказала:

– Майкл, нам пора. К полудню нам надо быть в Суррее.

– Конечно, – после секундной запинки произнёс тот. Мне показалось, что в его глазах на мгновение промелькнула настороженность, словно он пытался определить, не заметили ли мы что-нибудь подозрительное. Но ребята были заняты своими делами – Алекс протирал тряпкой лобовое стекло «Пежо», Шарлотта аккуратно убирала в кофр объектив фотоаппарата, Мартин что-то искал в салоне машины. Кажется,

одной мне почудилось, что что-то не так. Затем Майкл снова засиял голливудской улыбкой во все сто тридцать два зуба.

– Ты совершенно права, Роуз. Господа, – он кивнул Алексу и Мартину. – Прекрасные дамы, – этот поклон адресовался только Шарлотте. – Я был рад с вами познакомиться. Надеюсь скоро с вами увидеться, Шарлотта.

Неразговорчивая Розмари не проронила ни слова, и они вдвоём сели в «Ягуар». Судя по печальному лицу Алекса, он отчаянно переживал, что не может попроситься с ними. Утробно заурчал мотор – Алекс вздохнул ещё печальнее – и роскошный автомобиль неторопливо, словно перебирая колёсами, стал отъезжать. Я с удивлением отметила, что на водительском месте сидел сам сказочный принц. Значит, нелюбезная тётка не водитель. Тогда кто? Вооружённая до зубов личная королевская охрана?

– Да, утро прошло весьма плодотворно, – с глубоким удовлетворением сообщила Шарлотта, едва «Ягуар» скрылся из виду.

– Ты бы поосторожнее, – посоветовал Алекс, строго глядя на неё сверху вниз. – Он, конечно, очень любезный и воспитанный, да ещё на такой тачке, но ты же, надеюсь, не поверила, что он влюбился в тебя с первого взгляда?

Пожалуй, я знала пару девиц, которых этот вопрос оскорбил бы до глубины души, да и, наверное, любая женщина почувствовала себя уязвлённой, если бы ей в лицо заявили, что в неё невозможно влюбиться с первого взгляда. Но Шарлот-

та совсем не обиделась.

– Ну конечно нет! – спокойно отозвалась она. – Даже если бы и влюбился, мне пришлось бы его разочаровать, поскольку для меня любовь – понятие очень эфемерное, я в неё почти не верю. Но он очень образованный собеседник, и его заинтересовало моё видение мира как фотографа. В частности, всего этого, – она махнула рукой в сторону низины, где остались камни.

– Вы с ним договорились снова встретиться? – спросила я.

– Да. Мы хотим сегодня вечером созвониться.

– А как же Том или Роб?

– Одно другому не мешает, – с глубокой убеждёностью отозвалась она. – И с тем, и с другим я только познакомилась. Теперь надо пообщаться с обоими и решить, кто из них мне больше нравится.

В целом за Шарлотту можно было быть спокойной – она не потеряла голову, и новый знакомый явно не завладел всеми её мыслями. Но мне не давало покоя увиденное. Было что-то неестественное в поведении этого Фостера незадолго до прощания, словно фальшивая нота в хорошо исполненной арии. Одно дело, если он был просто красивым богатым мужиком, которому прекрасно известно, какое впечатление он производит на женщин, и беззастенчиво этим пользуется, от души наслаждаясь происходящим. И совсем другое – если он тщательно играет какую-то роль...

И, вероятнее всего, у меня началась паранойя. Может, я

просто завидую, что ему так сильно понравилась Шарлотта, а не я?

– Поедем? – предложил Алекс, и я потрясла головой, возвращаясь в реальность. – Полагаю, прямо сейчас ехать к Патрику смысла нет, поскольку Мартину нужно изучить краску, Шарлотте отобрать фотографии, а Джейн – перевести надпись. Я могу позвонить Патрику и сказать, что мы приедем к нему часов в шесть вечера. Он, конечно, за это время с ума от нетерпения сойдёт, но тут ничего не поделаешь. Все согласны?

– Вполне, – рассеянно отозвался Мартин.

Я только кивнула. Шарлотта несколько секунд напряжённо поразмышляла, прикидывая в уме, успеет ли она до шести и съездить на свидание, и поработать, и наконец, со вздохом согласилась:

– Ну, хорошо.

– Тогда всем до вечера.

Глава 3

Домой я вернулась часам к двенадцати. День был в разгаре, и к этому времени немного распогодилось – ветер стих, а сквозь тучи осторожно проглядывало солнце. Выйдя из своего «Гольфа», я вежливо поздоровалась с пожилым соседом, который был занят тем, что подстригал лужайку перед домом. Вопреки ожиданиям, машина Теи была припаркована у дома, а квартира встретила меня не тишиной, а бодро играющей в отдалении песней современной попсовой группы.

– Привет! – прокричала я вглубь квартиры, сняла куртку и принялась стягивать грязные кроссовки. – Я вернулась!

Музыка смолкла, и некоторое время царила тишина – словно Тея пыталась понять, правда ли кто-то пришёл, или ей послышалось. Затем дверь открылась, и в коридор выглянула моя младшая сестра. Из одежды на ней были только трусы и лифчик, а в руках она держала какую-то майку и телефон, и я поняла, что попала домой в самый судьбоносный момент – выбор одежды для выхода.

– Привет.

– Ты не на работе? – удивилась я.

– Пациентов утром не было. Я сейчас иду гулять с девчонками и... – тут она взглянула на дисплей телефона и охнула, – и я уже опаздываю на пятнадцать минут! Ты не обижайся, что я пока не расспрашиваю, как ты съездила, хорошо?

– Окей, – согласилась я, подхватила свою сумку и пошла к себе. Тея скрылась в комнате, откуда теперь доносилась странная возня, словно кто-то штурмовал шкаф с одеждой, а тот героически сопротивлялся.

Тее было двадцать два. Она училась на дантиста, уже заканчивала обучение и подрабатывала ассистенткой в частной стоматологической клинике. Пока наши родители находились на материке, мы вместе снимали квартиру и вели наше общее хозяйство. Жили мы с ней вполне мирно, хотя, признаться, в мире было бы трудно найти более непохожих друг на друга людей, чем мы двое. Нас невозможно было принять за родных сестёр внешне, и характеры у нас были диаметрально противоположные. Тея была общительной, подвижной, разбиралась в моде, увлекалась фотографией, обожала всё связанное с одеждой, и начинала отчаянно скучать, когда сидела дома больше одного дня. Я же была нелюдима, совершенно равнодушна к моде и оставалась убеждённой домоседкой. При таком несходстве характеров ужиться нам было сложно, и мы могли ругаться по пять раз на дню из-за всякой ерунды, но в то же время оставались очень близки.

Вытряхнув из сумки телефон и блокнот, я вместе с ними отправилась на кухню, чтобы чего-нибудь поесть. В холодильнике первой бросилась в глаза полка, где был расставлен рацион Теи – каштёрюлька с овсянкой, баночки с обезжиренным творогом, лотки с тушёными овощами и варёной курицей. Будучи сторонницей здорового образа жизни, сестра не

допускала в своём меню ничего, что было бы вредным или, упаси боже, калорийным. Идеалом красоты для неё оставались анорексичные модели из модных журналов – те самые, у которых из-под кожи выступают острые кости, а фигуру можно принять за доску ввиду полного отсутствия груди и попы. Сама Тея, оставаясь стройной и высокой, ужасно страдала из-за собственного несовершенства, сетовала на наличие каких-никаких форм и всё время старалась похудеть. Я совершенно искренне считала, что она занимается ерундой, а один вид всей этой диетической пищи у нас в холодильнике вгонял меня в глубокое уныние. Нет, я сама была вполне стройной, просто я считала, что для этого достаточно не объедаться, а не вести образ жизни монаха-аскета с горы Афон. Так что, решительно отвернувшись от творога и овсянки, я достала оставшуюся со вчерашнего дня картофельную запеканку.

Пока она грелась в микроволновке, я поставила чайник и достала блокнот с рунической надписью. Тут в кухню вошла Тея, на этот раз уже одетая.

– Как я выгляжу?

Я посмотрела.

– Отлично.

– А мне не нравится! – расстроено заявила она. – Ты посмотри, какая в этой юбке у меня огромная задница!

– Нормальная задница, – довольно вяло возразила я. Здесь уже было совершенно неважно, что я скажу и какие

доводы приведу – Тея всё равно пойдёт переодеваться.

Сестра убежала. Микроволновка приятно звякнула, по кухне поплыл вкусный запах. Чайник на плите шумел ровно и успокаивающе, и настроение само собой начало подниматься. А в столе у меня ещё была припасена шоколадка к чаю, которую я не клала в кухонный ящик по той простой причине, что соблюдать диету при всём стремлении к красоте было не так легко. Изнывающая без сладкого Тея мгновенно смолотит её целиком, а потом будет мучиться, громко переживать и обвинять меня во всех смертных грехах. Плавали, знаем.

Не успела я накрыть на стол и сесть, занеся вилку над запеканкой, как Тея прибежала обратно.

– А теперь как?

– Прекрасно, – заверила её я, мельком оценив новый наряд. Цвета сочетались нормально, ничто не выглядело инородным элементом, а вглядываться подробнее было бессмысленно. Сестра всегда всё делала по-своему, спрашивая моё мнение только для того, чтобы удостовериться, что я с ней полностью согласна. Лишь родители ещё имели на неё какое-то влияние, да и то с переменным успехом.

Кажется, на этот раз внешний вид понравился и самой Тее, потому что она довольно улыбнулась и хотела было выйти, но в дверях остановилась и критично оглядела себя.

– Джейн, я толстая?

Этот вопрос я слышала столько раз, что даже не стала от-

рываться от телефона, над которым как раз наклонилась.

– Очень, – с готовностью подтвердила я. – Вылитый Дадли Дурсль из «Гарри Поттера».

– Да иди ты! – беззлобно фыркнула она и вышла.

Я же неторопливо доела картошку, рассматривая руны на фотографии, но особо не пытаюсь их расшифровать. Затем я налила себе чай, сбегала в комнату за шоколадом и электронной книжкой и только устроилась с комфортом за столом, предвкушая отдых, как в кухню снова ворвалась Тея, уже причёсанная, накрашенная, в расстёгнутой куртке и с сумкой в руках. Подтянув поближе стул, она прямо так усеялась напротив и выжидательно уставилась на меня.

– Ну, как прошло утро?

– Ты же вроде опаздывала? – удивилась я.

– Мы перенесли встречу на полчаса, так что у меня ещё десять минут. Слушай, а почему у тебя кроссовки в таком виде? Ты что, форсировала болото?

– Почти, – я с тоской покосилась на книжку, понимая, что от чудесного уединения с детективом любимой авторши придётся отказаться.

– Так что произошло?

– Мы с ребятами уезжали из Лондона на юг. Патрик от правил.

– А-а-а... – протянула она, разом потеряв всякий интерес. – И как, нашли что-нибудь?

Полное равнодушие, которого она даже не пыталась

скрыть, меня совсем не удивило. Несмотря на то, что Тее было известно о мире сверхъестественного, она, как и я, знала о нём только в теории, ни разу не сталкиваясь с магией в реальной жизни, и потому она существовала для неё на некоем абстрактном уровне.

Впрочем, насколько я знала, никто из нас – ни Шарлотта, ни Алекс, ни Мартин – никогда не встречал настоящих магов. Я даже не знала, встречал ли их сам Патрик, поскольку лидер Искателей предпочитал не распространяться о своих знакомых. Возможно, это было странно – общество, занимающееся сверхъестественным, годами не сталкивалось с магией вживую. Мы, искатели, – собственно, поэтому общество и называлось «Обществом Искателей» – ищем сверхъестественное. Обычно находим либо какие-нибудь древние документы с описанием ритуалов или заклинаниями, либо же следы проведённых магических обрядов – как сегодня. В том, что в той низине провели именно магический ритуал, я почти не сомневалась. На самом деле древние тексты с заговорами находят довольно часто – в монастырях, старинных библиотеках, замках – и учёные считают их пережитком язычества, не подозревая, что многие из этих ритуалов и заклинаний работают.

– Пока не знаю, – призналась я. – Надо посмотреть. Слушай, зато какого мужика мы там встретили! Прямо прекрасный принц, только белого коня не хватает!

При упоминании принца Тея посмотрела уже заинтересо-

ванно.

– Но зато у него был «Ягуар», что вполне компенсирует отсутствие коня, – сделав вид, будто размышляю, добавила я.

– И как? Ты с ним познакомилась? – нетерпеливо спросила сестра.

– Нет. Он на Шарлотту сразу обратил внимание... – нехотя признала я.

Тея разочарованно выдохнула.

– Мне твоя Шарлотта не нравится! – сердито сообщила она, но я только хмыкнула.

– Ты это говоришь мне раз в пятнадцатый.

– Ну и ладно, – вдруг решила она. – Чёрт с ними обоими. Ты сегодня ещё к Патрику поедешь?

– Вечером.

– Ладно, тогда вечером увидимся. Можешь не вставать, я за собой закрою. И не забудь орхидею полить, ладно?

Вскочив на ноги, она на лету чмокнула меня в щёку и скрылась в коридоре. Я услышала, как звенят ключи, а потом хлопнула входная дверь, загремел замок, и наконец, всё стихло. Я залпом допила остывший чай и задумчиво посмотрела на горшок на подоконнике, из которого торчала коряга неопределённого тёмно-зелёного цвета. Года два назад её кто-то подарил маме, и поначалу коряга действительно была орхидеей – цвела и радовала глаз. Потом она отцвела, но мама наотрез отказалась её выбрасывать и с тех пор терпеливо подстригала, удобряла и поливала, ожидая, что орхидея сно-

ва зацветёт. Пока ничего такого не произошло, а потом родители уехали в Италию, и мама поручила заботы о растении нам. Мы регулярно забывали это делать, и несчастная орхидея либо по несколько недель подряд сохла на подоконнике, либо получала месячную норму осадков за раз. Возможно, её непрезентабельный вид был связан именно с этим. Впрочем, она оказалась удивительно живучей и пока мужественно терпела наше безответственное поведение.

Вымыв посуду и полив орхидею, я отправилась к себе. Дверь Теи была нараспашку, и я, проходя мимо, заглянула туда. Внутри царил бардак, будто там прошло войско Александра Македонского, покрывала на кровати было не видать из-за наваленной на него одежды. Для полноты картины не хватало только, чтобы с люстры живописно свисали колготки. Улыбнувшись, я прикрыла дверь.

Ладно, пора заняться рунами.

Первая часть работы прошла легко – неизвестный художник не изобретал ничего нового, и все использованные руны были вполне узнаваемы. Восемь рун шли в ряд: Яра, Туризас, Гебу, Хагалаз, Перту, Эхвас, Райду и Иваз. По бокам и снизу были изображены ещё четыре символа – Иза, Ингваз, Лагуз и Кеназ. Но вот дальше пошли трудности. Каждая руна является транскрипцией какого-то звука, и их обозначения давно известны. Но, когда я попыталась подставить на место каждого символа отдельный звук, в результате получился странный их набор, не похожий ни на одно древнее

слово. Было непонятно, при чём здесь те четыре руны, стоявшие особняком. Я пыталась вставить их и в середину слова, и в конец, и меняла их местами, но ничего толкового так и не получилось.

Хм. И что теперь делать? Конечно, тексты, которые мне доводилось переводить, редко были понятны от первого до последнего слова, и временами приходилось что-то домысливать самой. Но здесь у меня не было даже какой-то отправной точки, от которой можно было додумать всё остальное.

Я промучилась часа три – до того момента, когда уже надо было собираться в офис Искателей – и в результате была вынуждена констатировать, что я не в силах расшифровать эту надпись. Может, маги здесь всё же ни при чём, и в низине действительно развлекался какой-нибудь недоучившийся историк, который знает, как руны выглядят, но совершенно не представляет, что они означают?

Но для этого надо послушать отчёты Мартина и Шарлотты, подумала я и отправилась собираться.

Мои сборы прошли совсем не так бурно, как у Теи: я просто натянула первое, что подвернулось под руку. Совещание у Патрика точно не было тем мероприятием, к которому следовало принарядиться.

Штаб-квартира или, как мы чаще её называли, офис «Возрождённого Исторического Общества Искателей» находился на улице Пэлл-Мэлл – в самом сердце Лондона, откуда было рукой подать до Парламента, Букингемского дворца и

Биг Бена. Временами это местоположение казалось ужасно неудобным, поскольку на подступах к зданию нужно было лавировать в толпах бесчисленных туристов или пробираться в бесконечных пробках по Пикадилли, но в то же время оно позволяло почувствовать собственную значимость. Сейчас, вечером, здесь был не такой ажиотаж, как днём, когда туристов привозят на экскурсии, но народу всё равно хватало, так что когда тяжёлая дверь закрылась и отрезала меня от улицы, я облегчённо вздохнула.

Вестибюль здания с порога поражал тяжеловесным великолепием – мраморные полы, залитые тусклым светом огромных старинных люстр; все стены, куда ни кинь взгляд, были обшиты тёмными деревянными панелями. В углах и на подоконниках стояли кадки с диковинными растениями, привезёнными откуда-нибудь из лесов у подножия Кордильер, с Фолклендских островов или, на худой конец, из Альп. Девушка за стойкой из того же тёмного дерева была приветлива и услужлива, турникеты и рамки у входа – вполне современные, а охранники – суровы и шкафообразны. Каждый раз, попадая сюда, я испытывала минутный страх, что никто не поверит в то, что я имею право находиться в подобном месте, и меня сейчас просто отсюда выгонят. Но выданный некогда Патриком пропуск с моим именем и фотографией всегда делал своё дело, и охрана меня пропускала.

Сам офис занимал два этажа – на втором этаже были кабинеты наиболее значимых членов «Искателей», включая Пат-

рика, а также конференц-зал, где обычно происходили собрания всего Общества сразу. На третьем же этаже располагались библиотека и архивы Искателей – не такие богатые по сравнению с Британской библиотекой, но весьма достойные. Само «Общество Искателей» очень древнее, существует вот уже несколько веков, и я слышала, что раньше, до конца девятнадцатого века, библиотека была куда обширнее. Однако в 1880-х произошло какое-то несчастье, архивы оказались почти целиком утрачены, а само общество надолго прекратило своё существование. Потом, сравнительно недавно, его возродили, и с тех пор оно стало называться «Возрождённое Общество Искателей», но многие данные так и не удалось восстановить.

На лестнице меня окликнули Алекс и Мартин. Мы только успели поздороваться и подняться наверх, как дверь в конце коридора распахнулась, и нам навстречу вышли двое. Патрика я узнала сразу – пожилой историк, учёный до мозга костей, был сухощав, седоус и без очков очень походил на Эйнштейна. Его спутника – высокого статного мужчину, я видела впервые. Он был моложе Патрика, седина только тронула его волосы, но всё же это был человек в возрасте, с запоминающейся внешностью. Всё его лицо, казалось, было высечено из камня, причём скульптор вовсе не пытался сглаживать острые углы. Он не был красив, даже близко к этому понятию не стоял, но всё же что-то в нём притягивало взгляд.

Он заметил нас первым, и пока Патрик закрывал за собой

дверь, громоподобно воскликнул на весь этаж:

– Патрик, а это, должно быть, и есть твои самородки?

Лидер «Искателей» поднял голову, обнаружил перед собой нас и улыбнулся.

– Совершенно верно, мистер Маршалл. Именно они и занимаются самыми новыми находками. Ребята, представляю вам мистера Алана Маршалла, предпринимателя, а по совместительству одного из наших спонсоров.

– А также историка, хоть ты, Патрик, наотрез отказывается это признавать! – грохнул гость, пока мы с ребятами с резко возросшим интересом разглядывали его. До этого дня «спонсоры» были для нас понятием весьма расплывчатым. Вроде бы они существуют в природе, но лично мы с ними никогда не сталкивались и даже не знали их имён.

Не знаю, как было раньше, но с момента своего возрождения «Общество Искателей» существовало не за счёт государства и не за счёт энтузиастов-учёных, для которых наука является смыслом жизни, а за счёт нескольких богатых людей, финансировавших его из самых филантропических побуждений. Искатели занимаются тем, что собирают сведения о мире сверхъестественного – совершенно реальном и существующем рядом с нами с начала времён, хотя большинство людей не имеют о нём ни малейшего представления. Магия, ведьмы, колдуны – все они существуют на самом деле, хотя и стараются не привлекать к своему сообществу внимание обычных людей. Искатели же пытаются всеми силами в этот

мир проникнуть и делают это не из корыстных интересов, а из любви к науке, ко всему неизведанному – ну как можно оставить в стороне такой пласт культуры, истории, такую загадочную область, таящую в себе множество неизведанного и недоступного простому человеку?! Я сама подобной тягой не обладала и потому была в обществе лишь наёмным работником, как и Алекс, а вот Шарлотта и Мартин были по-настоящему увлечены этим миром. И помимо учёных есть ещё некие богатые люди, не являющиеся Искателями, однако они осведомлены о присутствии магии в нашей действительности. Не знаю точно, что ими движет – простое любопытство, или же они рассчитывают как-то выйти на магические сообщества и использовать магов в своих целях – но в итоге они финансируют «Искателей», а те взамен предоставляют им все добытые и проанализированные данные. Но общались с этими богатыми людьми только Патрик и ещё пара-тройка Искателей; у нас же с ребятами был не настолько высокий статус, чтобы встречаться со спонсорами лично. В результате такого сотрудничества все были довольны, да и магам от этого хуже не становится – за последние несколько десятков лет «Общество» сталкивалось только со следами проведённых ритуалов и несколькими древними документами. Ни одного колдуна или ведьмы я в своей жизни ни разу не видела, и ребята тоже. А Патрик... Если он их и встречал, то с нами он этой информацией предпочёл не делиться.

– Ну вот, – укоризненно громыхнул Алан Маршалл. –

Огорошил своих самородков, что они теперь ни слова вымолвить не могут!

Мы втроём по-прежнему молчали, всем своим видом демонстрируя уважение и почтительность, а Патрик лишь махнул рукой.

– Ничего страшного. Ну что, молодёжь? Как сегодня всё прошло?

– Нормально, – Алекс первым пришёл в себя и начал докладывать. – Всё засняли, записали, собрали. Проблем не возникло. Была там пара пришельцев, но с ними никаких происшествий.

– В семь утра уже были пришельцы? – громогласно удивился Маршалл.

– Совершенно верно. Странная такая пара – он похож на миллионера из фильма, она – на прислугу. Приехали на «Ягуаре».

Патрик остался к услышанному совершенно равнодушен – он, судя по нетерпеливому выражению лица, хотел поскорее приступить к обсуждению, но выгонять высокопоставленного гостя не смел. Маршалл же неожиданно нахмурился.

– Они представились?

– Мужчину зовут Фостер. Женщину я не запомнил.

– Майкл... – задумчиво протянул Алан и вдруг улыбнулся. – Старый знакомый. Кто бы мог подумать?..

Ну надо же. Впрочем, в таком небольшом городе, как Лон-

дон, все богатые люди наверняка должны знать друг друга если не в лицо, то хотя бы по именам...

– Что ж, – Маршалл тряхнул головой, отгоняя какую-то мысль, и улыбнулся. – Мне, пожалуй, пора...

– Может, останетесь? – предложил Патрик. – Мы переходим к самой интересной части – анализу увиденного. Кстати, где Шарлотта?

Алекс, Мартин и я синхронно посмотрели на висевшие на стене часы. Они показывали ровно шесть.

– Минут через пятнадцать будет, – сообщила я.

– Благодарю, Патрик, но нет, – Алан отвернул рукав свитера и посмотрел на тяжёлые наручные часы – как пить дать из чистого золота. – Мне уже пора, так что увидимся завтра на вечере. Кстати, молодые люди, как вы относитесь к приёмам? Завтра состоится ежегодный торжественный приём исторического общества «Миллениум», и «Искатели» всегда являются там почётными гостями. Патрик, возьмишь завтра своих самородков с собой? Им было бы полезно повращаться в этих кругах.

Патрик удивлённо моргнул, и я полностью разделяла его недоумение: мы были всё же птицами не столь высокого полёта, чтобы звать нас на подобные мероприятия. Но Патрик затем задал совершенно иной вопрос, вовсе не тот, который я ожидала:

– Уильям же только умер. Как же траур и всё с ним связанное?

– Король умер – да здравствует король, – легкомысленно отозвался Маршалл и громко рассмеялся. – Так всегда было заведено. Приглашения моя помощница пришлёт, и отказ не принимается!

– Тогда увидимся завтра, – Патрик только пожал плечами. Они на прощание пожали друг другу руки, а затем Патрик распахнул дверь своего кабинета, пропуская нас внутрь.

Глава 4

– Патрик, а о каком Уильяме шла речь? – задумчиво спросил Алекс, пока мы рассаживались на стульях перед столом Патрика. Их ножки тонули в густом ворсе бордового ковра, и потому можно было говорить, не повышая голоса: весь шум заглушался. Сам хозяин кабинета устроился на своём рабочем месте, так что мы сидели полукругом перед ним.

– Уильям Майклсон, тот самый, который учредил благотворительный фонд лет эдак тридцать пять назад. По-моему, о его смерти сегодня даже в новостях говорили.

– Точно, слышал утром... Так что, ты его знаешь? А он нас часом не финансировал? – с подозрением уточнил Алекс.

– Вовсе нет, – Патрик слегка улыбнулся. – В отличие от Алана Маршалла, Майклсон как раз всегда крайне негативно отзывался об «Искателях» и считал существование нашего Общества совершенно бессмысленным.

– Не верил в сверхъестественное? – резонно предположил Мартин, на что Патрик только пожал плечами.

– Вероятнее всего. Так, молодые люди, что у нас...

Договорить ему помешал быстрый стук, а затем тяжёлая дверь кабинета неторопливо приоткрылась, и на пороге показалась Шарлотта с сумкой с ноутбуком через плечо.

– Ты рано, – невозмутимо заметил Алекс. – Шести пятнадцати ещё нет.

– Я могу подождать за дверью, – мгновенно принимая подачу, предложила та. Обмену колкостями помешал Патрик, махнув рукой на последний свободный стул в кабинете:

– Присаживайся.

Шарлотта неторопливо сняла куртку, прошествовала на указанное место – неизменные каблуки процокали по полу, а потом потонули в ковре – и села, положив сумку на колени. Судя по выражению лица, Алекс боролся с желанием как-нибудь пошутить, но затем он взглянул искоса на Патрика и передумал. Мартин с серьёзным видом доставал из рюкзака файловую папку с бумагами – готовился к работе. Я же, не удержавшись, спросила:

– Патрик, а что это за мероприятие, на которое нас позвал Маршалл? Разве наше присутствие не будет там... – я поискала слова. В конце концов, ну кто зовёт никому не известных рядовых сотрудников на подобные приёмы? – ... несколько неуместным?

Шарлотта вскинула голову, не понимая, о чём идёт речь, и начала корчить мне рожи, призывая к тому, чтобы я объяснила. Я в ответ выдала некую пантомиму, из которой следовало, что я расскажу ей всё позже. Патрик задумчиво наблюдал за моими ужимками и без капли удивления отозвался:

– Это не бал в честь дня рождения королевы, куда попасть практически невозможно, а вполне регулярное мероприятие, устраиваемое несколько раз в год. Встречаются

несколько исторических кружков и пара благотворительных обществ, обсуждают свои дела. Историки пытаются вытянуть денег из благотворителей на свои проекты, а благотворители пытаются решить, какие из этих проектов наиболее многообещающие. Конечно, без Маршалла вы бы сами там не оказались, но ваше появление особо никого не удивит. Кстати, Джейн, твои родители сейчас где? В Париже?

– В Турине.

– Спроси их об этом приёме. Им точно должны были отправить приглашение.

Я кивнула, удивляясь, почему не подумала об этом сама. Родители и в самом деле регулярно получали такие приглашения, и посещали большинство подобных вечеров, если находились в это время в Лондоне.

– Пойти вам, конечно, стоит. Раз сам Маршалл пригласил, отказываться нельзя. Да и хорошая возможность завести полезные знакомства, – вдруг совершенно серьёзно сказал Патрик, и я удивлённо посмотрела на него. Он редко давал нам советы профессионального свойства. Патрик заметил мой взгляд, улыбнулся уголком губ и решительно объявил. – Тогда переходим к работе.

Эти слова произвели почти магическое действие – все одновременно сели прямее, лица стали серьёзными и сосредоточенными, как у студентов на экзамене, которых собрался экзаменовать строгий профессор. Шарлотта открыла ноутбук, а я с тоской подумала, что мне через десять минут пред-

стоит признаться, что я не справилась со своей задачей.

– Значит, так, – Шарлотта поставила ноутбук перед Патриком, открыв там нужные фотографии. Нам она никаких фотоматериалов раздавать не стала, но в этом нужды не было, поскольку на эти камни мы сегодня насмотрелись достаточно, и расположение рун успело прочно врезаться в мою память. – Именно ради этих камней мы сегодня и ездили. Их всего семнадцать, они разного размера и расположены асимметрично, но центром композиции является именно этот плоский камень. Символы были только на нём.

– Старший футарк? – с интересом прокомментировал Патрик, который, как и я, с первого взгляда опознал письменность. – Любопытно.

– Насколько я могу судить, сами камни для нас ценности не представляют, – вмешался Мартин. – Они лежат там уже несколько сотен лет, и пусть лежат дальше. А надпись действительно необычная. По крайней мере, состав краски, которой её нанесли. По большей части, она состоит из сока марены красильной, который смешали с кровью. Замечу, с человеческой.

Мы с Шарлоттой брезгливо поморщились, Патрик и глазом не моргнул, а Алекс весь подался вперёд и азартно спросил:

– Тогда, может, здесь произошёл ритуал во славу Сатане?!

– Если бы это было посвящено Сатане, писали бы на латыни, а не использовали руны, – возразила я, и Алекс разоча-

рованно вздохнул. Теперь всеобщее внимание было направлено на меня, и я поняла, что слово предоставляется мне. По-прежнему не испытывая никакого энтузиазма от мысли о собственном поражении, я в двух словах изложила свои выводы и вынужденно констатировала, что моих знаний недостаточно для расшифровки данного послания. Но, к моему удивлению, сильно разочарованным здесь никто не выглядел. Ну, от ребят я никакой сильной реакции и не ожидала, а вот Патрик казался скорее задумчивым, но никак не недовольным. Несколько секунд он, не отрываясь, смотрел на экран ноутбука, а потом снял очки и посмотрел снова, словно пытался что-то там разглядеть.

– И ни на какие известные древнегерманские корни это не похоже? – уточнил он, хотя это и так было понятно.

Я отрицательно покачала головой. Глава «Искателей» глубоко задумался, а Алекс внезапно спросил:

– Патрик, а чего ради ты нас вообще вытащил сегодня за город? Что именно тебе наобещали твои «источники», что ты нас всех поднял сегодня в пять утра? Эти несколько рун не выглядят такой уж ценной находкой.

– Никогда не знаешь, какая именно находка приведёт к великому открытию, – использовал Патрик свой любимый аргумент, который стал уже чем-то вроде жизненной позиции. – Иногда даже мелочь может иметь огромное значение...

Странное дело – я слышала эту фразу не в первый раз,

но почему-то сейчас я Патрику не поверила. Нет, это явно не было обычным случаем, когда Патрик отправлял нас на исследование какой-то находки, которая могла и не иметь сверхъестественного контекста. Он никогда не посылал на место событий меня и никогда не поднимал нас в несусветную рань, хотя мы и работали с ним уже несколько лет. Конечно, всё когда-то бывает в первый раз... Но меня не желало покидать ощущение, что Патрик темнит. Почему-то сегодня утром он был абсолютно уверен, что эта надпись на камне имеет для нас, как учёных, первостепенное значение. Значит, «источники» заверили его именно в этом. Какие это могут быть источники?

«Хотя, – одёрнула я саму себя, – не всё ли равно? Мы с ребятами работаем – нам платят, и все в итоге довольны. А уж имеют эти руны отношение к магии, или не имеют – какая разница?»

Впрочем, с подобным мировоззрением непосредственно в штаб-квартире «Возрождённого Общества Искателей» следовало быть поосторожнее и уж точно не высказывать его никому вслух. Искатели – люди увлечённые, настоящие учёные. Они этим сверхъестественным живут...

– А это, я так понимаю, те самые «пришельцы»? – поинтересовался Патрик, разворачивая ноутбук обратно к нам. «Пришельцами» мы называли случайных прохожих, зевак и любопытствующих, оказывавшихся в тех местах, где нам предстояло вести работу, которых надо было вежливо, акку-

ратно и непреклонно спровадить восвояси или хотя бы убедиться, что они не будут нам мешать. Именно поэтому на подобных выездах обязательным действующим лицом был Алекс. Он был у нас «специалистом по связям с общественностью», как шутливо называла его Шарлотта, который вёл все переговоры с посторонними людьми.

На открытом снимке был красавец-мужчина, точно сошедший со страниц журнала, а на заднем плане в кадр попала безликая фигура в бесформенном дождевике и весёленьких жёлтых сапогах.

Тоже необычная пара. Этот Фостер, которого, как выяснилось, знает наш спонсор, вёл какую-то игру. Какую? Обычную игру, в которую играют все красивые мужчины и женщины, когда знакомятся друг с другом? Или в какую-то другую? А может у меня просто воображение под вечер разыгралось, и я вижу то, чего на самом деле нет?

Патрик не задержал нас надолго и уже через полчаса отпустил. Когда мы уходили, пожилой исследователь внимательно изучал бумаги, которые оставили мы с Мартином – там были наши заключения относительно увиденного. Напоследок Патрик велел мне ещё поразмышлять над тем, как можно было перевести эти руны, а затем углубился в чтение. Спускаясь все вместе в холл, мы с ребятами начали пересказывать Шарлотте встречу с Аланом Маршаллом. Охранник посмотрел в нашу сторону подозрительно, явно не испытывая к нам никакого доверия.

– Значит, великосветский приём, – задумчиво протянула Шарлотта, не обращая на охранника никакого внимания. – Немного неожиданно, но мысль мне нравится. Кстати, как вы думаете, имеет смысл ехать туда завтра на своей машине? Или взять такси?

– А почему вдруг возникла такая дилемма? – не поняла я. Шарлотта посмотрела на меня, как на полоумную.

– Джейн, я понимаю, что с тебя станется явиться на этот приём в джинсах и кроссовках, но я-то хочу принарядиться! В длинном платье и на каблуках вести машину будет жутко неудобно...

– Попроси своего байкера привезти тебя, – ехидно предложил Алекс.

Мартин осторожно хихикнул. Я представила себе Шарлотту в вечернем платье, с высокой причёской и потёкшим макияжем на мотоцикле под дождём и хмыкнула. Подруга открыла было возмущённо рот, чтобы высказать Алексу всё, что о нём думает, но сама представила себе эту картину и, не выдержав, рассмеялась.

– Ладно, пойдём, пока вон тот шкаф не позвонил в полицию с заявлением, что мы замыслиаем ограбить вестибюль. Например, вынести из него все горшки с цветами, – предложил Мартин.

Не сговариваясь, мы дружно посмотрели на охранника. Тот и впрямь последние несколько минут неторопливо прогуливался в непосредственной близости от нас и бросал

на нашу группу подчёркнуто незаинтересованные взгляды. Возражений не последовало, и мы все вместе вышли на улицу. Было уже темно, накрапывал дождь, и я подпрыгнула на месте, одновременно вытягивая голову в плечи, когда крупная холодная капля, сорвавшись с козырька над крыльцом, приземлилась мне прямо на шею. Кожа немедленно покрылась мурашками, и меня передёрнуло.

Шарлотта понаблюдала за моими мучениями, потом поводила мыском сапога по поверхности лужи, начинавшейся сразу у крыльца, и грустно вздохнула.

– Сюда-то меня мой байкер привёз... И как я сейчас домой пойду по этим лужам?... Ноутбук ещё утоплю...

Мне в попутчики Шарлотта не напрашивалась, поскольку нам было совсем в разные стороны. Алекс же, чью припаркованную машину я прекрасно видела, чуть помедлил и предложил:

– Я тебя довезу.

– А завтра? – с надеждой спросила Шарлотта.

– Ты же живёшь за городом!

– И что? – подруга трогательно похлопала глазами.

– Железная логика, о которую разбиваются все аргументы! И так всегда, – громко посетовал Алекс, ни к кому в частности не обращаясь. – Только предложишь сделать доброе дело, как тебя сразу впрягут по самые уши!

– Я месяц буду приходить на все встречи вовремя! – клятво-венно пообещала та, сделав максимально честные глаза.

Эти слова оказали магическое воздействие.

– Во сколько за тобой завтра заехать, дорогая? – тоном заботливого мужа нежно спросил Алекс.

Я рассмеялась. Шарлотта просияла довольной улыбкой, а Мартин спросил:

– Значит, увидимся завтра?

– Ага. Только чур, встречаемся у входа и идём все вместе, – попросила я. – Не хочу бродить там в одиночестве, по крайней мере, на первых порах.

– Согласен, – легко согласился Алекс. – Мартин, ты на чём приехал? На автобусе? – Мартин был единственным из нас, кто не водил машину.

– Я на метро.

– Подбросить тебя? – предложила я.

– Да нет, Джейн, спасибо, – он улыбнулся и поправил очки. – Тут до станции не так далеко. Добегу.

– Тогда всем до завтра! – бодро попрощался Алекс. Шарлотта помахала рукой, и они вдвоём направились к «Пежо». Мартин улыбнулся мне на прощание и свернул за угол, а я отправилась к своей машине. Теперь мне предстояло подумать о наиболее неприятной части – о том, как построить завтрашний день, планы на который так внезапно изменились – как одеться, причесаться... Что хоть туда надевать? Деловой костюм? Бальное платье с кринолином и фамильные бриллианты?

Ехать на вечер мне не хотелось. Там придётся несколько

часов кряду находиться в окружении совершенно незнакомых людей, вежливо улыбаться, внимательно слушать всё, что тебе скажут, ежеминутно следить за своим внешним обликом – не дай бог что-нибудь будет недостаточно идеально – и всем своим видом показывать собеседнику, что тебе интересно общение с ним. Или, если Патрик прав, и там большинство гостей будут составлять учёные, придётся говорить о науке?!

Говорить о науке мне не хотелось. Хватит, в университете я о ней наговорила так, что на всю оставшуюся жизнь хватит. Родителей в своё время очень огорчала моя чётко обозначенная позиция – после магистратуры я не пойду в аспирантуру и писать кандидатскую не буду ни за что на свете.

Словно в ответ на эту мысль зазвонил мобильный телефон. Я уже успела завести машину, а теперь откинулась на спинку кресла и включила дворники. Те задвигались влево-вправо по лобовому стеклу, и по нему потекли ручейки воды.

Наручные часы показывали половину восьмого вечера. В Италии сейчас должно быть половина девятого. Родители, получается, только что вернулись домой.

И точно – звонила мама.

– Здравствуй, моя дорогая, – я улыбнулась, услышав её бодрый голос. В машине словно сразу стало теплее, несмотря на усиливающийся на улице дождь. – Ты дома?

– Скоро буду. Патрик нас только отпустил. Привет, мам.

– Ты снова работаешь на «Искателей»? С Патриком? – она сразу насторожилась. – Ты не говорила об этом...

К «Обществу», как и к Патрику, у родителей было своеобразное отношение. О мире сверхъестественного они узнали раньше меня. Лет десять назад Патрик занимался очередным исследованием, которое привело его на курс лекций по итальянскому Возрождению, который читал мой отец в Оксфорде. Познания Питера Эшфорда произвели тогда на Патрика самое благоприятное впечатление, и он предложил ему стать ещё одним Искателем. Но то ли перспектива изучать следы магии в нашем мире, существование которой научно не доказано, показалась отцу слишком малообещающей, то ли он просто не мог поверить в её существование, но отец отказался. На этом их с Патриком знакомство, по сути, закончилось, хотя они ещё не раз встречались на разных научных встречах и мероприятиях исторических обществ, вроде того, которое планировалось завтра. Я не знала точно, поверили ли мои родители в существование магии, но к Патрику они относились вполне уважительно – ну нравится человеку заниматься своей теорией, и ради бога. Но каждый раз, когда я выполняла какую-то работу для «Общества Искателей», они испытывали лёгкую опаску, и я не могла сказать, по какой именно причине – потому ли, что здесь оказывалось замешано сверхъестественное, или потому, что я работала на человека, который верил в магию и, следовательно, был... мягко говоря... несколько странным?

И это они ещё не знают, что я сегодня не только дома со словарём сидела. Тогда эмоций было бы ещё больше.

– Он только сегодня позвонил. Как у вас?

Мои родители оба были историками. Отец занимался Возрождением, мама – восемнадцатым веком. Оба были учёными в полном смысле этого слова, и даже когда мы с Теей были маленькими, вместо сказок они рассказывали нам множество теорий и исторических фактов. Возможно, они пытались и нас с сестрой увести в то же русло. Меня – с переменным успехом, поскольку мне была ближе филология, а сестра и вовсе пошла своим путём, выбрав профессию врача. Родители, хоть и не сразу, но смирились с нашим выбором, и во время семейных обедов они продолжали обсуждать, что всё-таки случилось с маленькими принцами в Тауэре в 1483-м году, куда исчезла библиотека Александра Македонского и существовал ли на самом деле Святой Грааль. В этом учебном семестре они были в Турине, где в университете мать читала лекции, а отец писал диссертацию. Мы регулярно созванивались, делились новостями, и они время от времени звали нас к себе.

Съездить к ним, что ли, и вправду в гости? При одной только мысли об Италии – тёплой, солнечной, с синеющим над головой небом, красными черепичными крышами, мощёными улочками, апельсиновыми деревьями, тёмно-зелёными кипарисами и серебристой листвой оливковых деревьев, на душе словно тоже стало солнечнее.

«А с работой что прикажешь делать?» – кисло осведомился голосок в голове, и вместо залитого солнцем Турина я снова увидела перед собой чёрное лобовое стекло, по которому стекала вода. Семестр только начался, и с ним моя вторая работа, не имеющая никакого отношения к Патрику и «Искаателям». Бросишь всё прямо так? Ты уж, дорогая, до лета подожди, а там у детей каникулы начнутся и можно будет строить какие-нибудь планы.

Мама в двух словах рассказала об их делах. Всё шло своим чередом – отец никак не мог найти подтверждение одной теории, которая могла перевернуть представление о правлении семьи Медичи во Флоренции, студенты за каникулы всё благополучно забыли, и маме приходилось повторять старый материал. Подобные ситуации возникали регулярно и в итоге благополучно разрешались: отец находил нужные доказательства, студенты всё вспоминали, ударно работали и успешно сдавали экзамены.

Потом я, вспомнив слова Патрика, заинтересовалась:

– Мам, а вы с папой бывали на приёме исторического общества «Миллениум»?

– Бывали, причём раза три. Встречаются историки и спонсоры и с умным видом пытаются найти друг к другу подход. Патрик туда собрался, что ли?

– И не только он, – я вздохнула. – Он сегодня встречался с одним из своих спонсоров, а тот, похоже, был в хорошем расположении духа и позвал всех нас. Патрик сказал, что это

хорошая возможность для нас обзавестись связями.

К моему удивлению, в отличие от руководителя «Искателей», мама была настроена гораздо более скептически.

– Сомневаюсь, что нечто подобное произойдёт. Насколько я помню, вы все рядовые сотрудники, а ты и вовсе внештатный, и финансирование для собственных проектов вам не особо нужно. Если только Мартину?..

– Так что, ты думаешь, можно не ходить? – обрадовалась я.

– Конечно, нет! – громко возмутилась она. – Ты должна туда сходить, просто чтобы не просидеть очередной вечер дома! Пообщаться, себя показать! Джейн, тебе двадцать четыре, а ты не выходишь за порог, как пятидесятилетняя незамужняя тётка, у которой ни семьи, ни друзей!

– Ещё скажи, что мне замуж пора, – огрызнулась я, но как-то вяло. Спор был старый, и нам обоим были давно известны все возможные сценарии его развития.

Но надо отдать родителям должное – замуж они меня пока гнали не очень активно.

– Не буду, – ответила мама как-то грустно. – Этот вопрос ты для себя сама как-нибудь решишь. Но на этот приём ты должна сходить, – здесь её голос снова стал решительным. – Только оденься поприличнее. У тебя есть что подходящее?

– Найду, – буркнула я.

– Оденешься и покажешься Тее, пусть она на тебя посмотрит и оценит. Или, ещё лучше, попроси её тебя сфотографи-

ровать и пришлѐшь фото мне, я погляжу. И пусть Тея поможет тебе с причѐской и макияжем!

– Мама, я не хочу краситься!

– Ну, хорошо, но пусть она сделает что-нибудь с твоими волосами. Хоть завьѐт.

– Может, я сама причешусь? – с надеждой спросила я.

– Тебе же будет лень укладываться, – мама, кажется, даже удивилась. – Ты просто придѐшь с распущенными волосами. Нет уж, пусть Тея тобой займѐтся.

Я поняла, что этот бой мне не выиграть никогда.

– Я даже ещё не решила, пойду ли вообще! – это было сказано просто так, от вредности. Идти пришлось бы в любом случае, поскольку Патрик прав – от приглашений спонсора не отказываются.

– Пойдѐшь, – непреклонным тоном отозвалась в трубке мать. – И ты сама это знаешь.

– Знаю. Просто мне лениво.

– Эх, Джейн, – вздохнула она, и я поняла, что сейчас последует её любимая присказка. – Если бы не твоя лень, ты бы могла стать профессором!

Я улыбнулась. Некоторые вещи не менялись никогда.

Глава 5

К особняку, где историческое общество «Миллениум» устраивало свой приём, я подъехала с пятиминутным запасом времени, но друзья меня уже ждали. С погодой нам повезло больше, чем вчера опасалась Шарлотта. Дождя не было, хотя из-за ветра пришлось всё же накинуть поверх вечернего платья куртку. Припарковавшись на указанной охранником у ворот стоянке, я взяла с соседнего сиденья миниатюрную сумочку, где почти всё место занимало приглашение, напечатанное затейливым шрифтом на тяжёлой бумаге с водяными знаками. Приглашение утром принёс курьер, и оно буквально кричало о важности и значительности сего мероприятия.

Или просто о выпендрёжности. Учитывая, что сказали вчера Патрик и моя мать, этот вариант был как раз наиболее вероятен.

При моём появлении двери стоявшего в нескольких машинах от меня «Пежо» открылись, и наружу вылезли остальные. Поздоровавшись, мы направились ко входу, время от времени вставая близко к машинам, чтобы пропустить новоприбывающих гостей. Увидев стоявшие здесь автомобили, я слегка расслабилась – скопления «Майбахов» и «Бугатти» не было, большинство составляли приличные, но не самые дорогие марки машин. Правда, встретилась и парочка роскош-

ных, чьи качества немедленно с восторгом принялись перечислять Алекс и Мартин, а потом мне на глаза попался уже знакомый «Ягуар».

– Ого, – задумчиво протянула я и обратилась к Шарлотте. – Гляди-ка, твой Майкл тоже здесь.

Однако подруга вовсе не выглядела удивлённой.

– Он сказал, что ему прислали приглашение на этот приём ещё две недели назад. Мы созванивались сегодня, – пояснила она, поймав мой вопросительный взгляд. – Очень мило поболтали. Он расспрашивал меня о нашей работе над вчерашними символами, о том, как я сама понимаю расположение этих камней и рун. Я, правда, ждала, что он пригласит меня куда-нибудь... Но он не предложил, и я не стала ему говорить, что тоже собираюсь на сегодняшнее мероприятие.

– Так он один из тех, кто финансирует все эти исторические кружки? – удивился Мартин, а потом сам ответил на свой вопрос. – Вероятнее всего. Иначе что ему ещё здесь делать? На историка он не очень похож.

Швейцар в ливрее открыл нам двери, пропуская внутрь, а потом очередной охранник проверил наши приглашения. Словно материализовавшись из воздуха, возникла улыбчивая девушка, которая забрала наши куртки. Алекс и Мартин были в костюмах, а Шарлотта выбрала декольтированное платье в пол с узкой юбкой, постепенно расширявшейся книзу. Я выглядела гораздо проще: промучившись около получаса с выбором одежды для выхода, надела обычное ма-

ленькое чёрное платье, вознеся мысленно благодарность великой Коко Шанель, которая сделала его эталоном элегантности. Тея поворчала, что у меня совершенно нет фантазии, но не стала настаивать, и помогла мне с причёской. Вот от небольших каблучков мне отвертеться не удалось, и теперь я возвышалась и над Шарлоттой, и над Мартином, а Алекс внезапно оказался одного роста со мной.

Народу в просторном зале было много. Напротив главного входа располагалась широкая лестница, которая вела на второй этаж, где тоже общались нарядно одетые люди. Второй этаж был огорожен балюстрадой, украшенной огромными вазонами с цветами – наверняка прикрученными или приклеенными намертво, поскольку самостоятельно они бы там не удержались. Такие же вазоны украшали местами и первый этаж. Играла музыка, горела массивная люстра под потолком. Центр помещения был освобождён, и там кружилось несколько пар. Гости стояли, разбившись на группки, и вели разговоры; тут и там сновали официанты с подносами, предлагая шампанское. Присмотревшись внимательнее, я убедилась, что наших ровесников было мало. Основную возрастную группу составляли преимущественно ровесники моих родителей. Знакомых лиц я среди них не видела, а вот Мартин, серьёзно увлечённый наукой и регулярно общавшийся с учёными из самых разных областей, сразу начал кого-то узнавать.

– Всё вполне прилично, – вынесла вердикт Шарлотта. –

Ну что, пойдём что ли...

— А, вот и вы! — из толпы вынырнул Патрик, который словно перенёсся сюда напрямик из своего кабинета. Сколько я его знала, он всегда носил костюм с галстуком, даже когда ему надо было просто ненадолго заехать в офис «Искателей», чтобы выслушать наши отчёты. — Молодцы, что вовремя приехали. Мартин, ты мне как раз нужен. Профессора Льюиса очень заинтересовал твой недавний доклад о химических свойствах некоторых растений и об их использовании во Франции восемнадцатого века, и он хотел бы с тобой познакомиться...

Молодой человек весь расцвёл от этих слов, и Патрик потянул его за собой.

— Пойдём, я представлю тебя ему. Алекс, пошли с нами. Там есть один человек, с которым я хотел бы тебя познакомиться.

Он потянул их за собой, и парни, виновато улыбнувшись нам, последовали за начальником.

— Ну вот, — вздохнула Шарлотта. — И десяти минут не прошло, как мы уже лишились половины нашего состава. Пойдём, может, пройдемся по залу?

— Пошли, — легко согласилась я.

Лавируя между группами учёных, мы углубились в зал, держась поближе к окнам. Пробравшись к противоположной стене, мы остановились у декоративного камина и вежливо заулыбались каким-то людям, стоявшим рядом. Те не менее

вежливо заулыбались в ответ, а затем, снова сделав серьёзные лица, вернулись к своей беседе. Шарлотта к этому моменту обзавелась бокалом с шампанским, а я с сожалением подумала, что надо было последовать её вчерашнему совету и приехать на такси.

– И надо было Патрику ребят забрать! Теперь даже потанцевать не с кем! – со вздохом сказала Шарлотта, понизив голос, чтобы та группа нас не услышала. Иначе у них бы как пить дать случился групповой инфаркт, что кого-то здесь волнуют настолько приземлённые вещи, как танцы.

– Хочешь, я тебя приглашу? – предложила я, и та оценивающе взглянула на меня.

– Возможно, в нашем прогрессивном обществе это даже не вызвало бы особого удивления, – наконец признала подруга, и тут откуда-то из-за моей спины раздался удивлённо-радостный возглас:

– Мисс Соммерс! Как я счастлив вновь вас увидеть!

Шарлотта кокетливо заулыбалась, а я обернулась, уже зная, кого увижу. И точно – моему взору предстал сияющий голливудской улыбкой уже знакомый прекрасный принц, который в идеально сидящем костюме смотрелся... смотрелся как ну очень прекрасный принц. Тёмные волосы были всё так же небрежно взлохмачены, однако даже сейчас, на фоне безупречно накрахмаленной рубашки, пиджака и стильного галстука, это не выглядело неряшливо. Наоборот, такая выбивающаяся из образа деталь добавляла ему дополнитель-

ный шарм. Серьёзно, и где таких мужчин выводят и выращивают? Не может быть такого, чтобы они появлялись на свет, как простые смертные...

Как и вчера, Майкл прибыл не один: на этот раз его сопровождала дама неземной красоты, по сравнению с которой мы с Шарлоттой смотрелись просто серыми мышами. Подруга, надо отдать ей должное, и глазом не моргнула, увидев спутницу принца, а вместо этого приветливо сказала:

– Здравствуйте, Майкл! – в отличие от меня, она смотрела на Фостера совершенно спокойно, словно у неё каждый второй знакомый был похож на мистера Дарси из «Гордости и предубеждения». Впрочем, может, ей и в самом деле было всё равно?.. – Я рада вас видеть. Возможно, вы помните мою подругу Джейн, которая вчера была со мной у Оствика?

– Разумеется, – заверил её Фостер и одарил меня улыбкой, от которой не только у меня, но у вообще любой особы женского пола от двенадцати до девяноста лет сердце заколотилось бы в два раза быстрее. Чтобы не поддаваться этому обаянию, которое он излучал скорее по привычке, я поскорее перевела взгляд на даму рядом.

Странное дело. В том, что этот Майкл Фостер являлся занятым бабником и разбивателем сердец, у меня не было никаких сомнений, и то, что вокруг него постоянно должен виться жужжащий рой из самых разных женщин, представлялось мне совершенно естественным. Но я почему-то думала, что мужчины его типа падки на длинноногих юных кра-

соток с золотистыми волосами до попы, роскошным бюстом и губами сердечком. Дама же перед нами на это описание нисколько не тянула, в первую очередь – возрастом. Мне показалось, она была старше Фостера лет на пять-десять. Её русые волосы были уложены в высокую причёску, а длинное платье навевало мысли о Грейс Келли и пятидесятих годах прошлого столетия. Выглядела она элегантнее всех присутствовавших в зале женщин, вместе взятых. Не красавица, но чувство собственного достоинства и элегантность с лихвой восполняли этот пробел. И если Фостер действительно предпочитал общество этой женщины длинноволосым симпатюлям, то этот факт говорил скорее в его пользу.

– Встретить вас снова – просто сюрприз! – вскричал Майкл, и усомниться в его искренности снова было совершенно невозможно. Казалось, что он пришёл в прекрасное расположение духа. Историки рядом оторвались от своей степенной беседы и удивлённо повернули головы в поисках нарушителя спокойствия, но красавцу-мужчине было на них совершенно начихать. – Нашу новую встречу непременно надо отпраздновать! Официант! Всем шампанского! Шарлотта, надеюсь, вы не откажетесь? И... – он на секунду запнулся, глядя на меня, словно пытался вспомнить моё имя, и, наконец, продолжил, – ...и ваша подруга к нам присоединится?..

Понятно, значит, как меня зовут, он снова забыл. Или просто пропустил мимо ушей.

Может, всё же стоило послушать советов мамы и Теи и от-

нестись к своему внешнему виду менее наплевательски, чем обычно? Или толку от этого никакого бы не было по той простой причине, что на роль прекрасной принцессы я в принципе не гожусь?

– Благодарю вас, но я предпочла бы подождать с алкоголем до ужина, – любезно отказалась Шарлотта. Я слабо улыбнулась, подумав, что подруга и здесь оставалась верна себе: всегда поступать так, как считает нужным, и ни один мужчина, будь он хоть тысячу раз романтический герой, не заставит её пойти у себя на поводу. Вот я бы такому мужчине вряд ли смогла бы отказать.

Но Майкла её заявление несколько не огорчило.

– Но в таком случае вы не откажетесь со мной потанцевать?

– Конечно, – Шарлотта бросила на меня быстрый виноватый взгляд, и тут внезапно подала голос спутница Майкла, которая до этого момента молча стояла позади него и никак не привлекала к себе внимание:

– Мы ещё должны поговорить с Аланом, помнишь?

– Успеем, Роуз, – легкомысленно отозвался тот, беря за руку Шарлотту, и они вдвоём двинулись в центр зала, обходя прочих гостей, пока я в изумлении глазела на даму, внезапно опознав в ней вчерашнюю тётку в платке и дождевике.

Та вдруг усмехнулась, и я поняла, что ей было прекрасно известно, о чём я думаю. Потом, надменно кивнув мне, она растворилась в толпе гостей.

Ну и ладно.

Рассудив, что стоять здесь в одиночестве нет никакого смысла и смотреться я буду глупо, я решительно отлепилась от стены и отправилась было на поиски Алекса и Мартина, но не успела пройти и пары шагов, как меня окликнул знакомый громкий голос:

– Мисс Эшфорд! – вздрогнув от неожиданности, я обернулась и увидела, как ко мне приближается, лавируя между гостей, высокий Алан Маршалл – как Гулливер среди лилипутов. Для этого торжественного собрания его голос звучал слишком громко, но его самого это нисколько не смущало. – Я очень рад, что вы приняли приглашение!

Он широко, дружелюбно улыбался, так что у меня и в самом деле возникло впечатление, что он ждал моего прихода. И хотя я знала, что это не так, мне всё равно было приятно.

– Спасибо, мистер Маршалл, – улыбнулась я.

– И почему же вы стоите здесь одна? – строго спросил он. – Молодым красивым девушкам не следует скучать в одиночестве!

Я вежливо заверила его, что нисколько не скучаю. Судя по решительному виду Маршалла, он был твёрдо настроен представить меня кому-нибудь из гостей, но тут его окликнул кто-то из знакомых, и он отвлёкся от меня. Я же вернулась к первоначальному плану найти ребят.

По пути меня окликнул какой-то джентльмен почтенного вида, который опознал во мне дочь Питера и Амелии Эш-

фордов, которого я решительно не припоминала. Ответив на любезные расспросы о здоровье моих родителей, выслушав несколько историй о том, какой перспективной студенткой была моя мать почти тридцать лет назад и как она оправдала все возложенные на неё надежды, а также обсудив погоду за окном – «Какой сегодня сильный ветер!» – «И не говорите, сэр, такого, кажется, не было с прошлого года!» – я наконец-то получила свободу.

Мартина я так и не увидела, а Алекс неожиданно обнаружился у одной из колонн неподалёку от входа в компании незнакомого мне блондинистого молодого человека примерно нашего возраста. Как и прочие мужчины, молодой человек был в костюме, но с оригинальной деталью: в петлицу был вставлен цветок. Мысленно усмехнувшись, я подумала, что подобное украшение очень уместно смотрелось бы на Майкле Фостере. Его я, кстати, видела – они с Шарлоттой гармонично передвигались по центру зала под неторопливую музыку. Рядом с высоченным Фостером подруга казалась совсем миниатюрной.

Может, я всё же как-то неправильно живу? Вот что нужно делать, чтобы такие мужчины с первого взгляда клялись тебе в вечной любви, угощали шампанским и приглашали потанцевать? Просто больше следить за собой? Или секрет успеха прячется в чём-то ином?

– Джейн! – повернувший голову Алекс внезапно заметил меня. – Что ты там скучаешь? Иди сюда!

Его собеседник тоже посмотрел на меня, и я торопливо нацепила на лицо приветливую улыбку и направилась к ним. Вблизи блондин внезапно оказался ниже меня на полголовы. У него было очень хорошее лицо – с киношным красавцем Фостером конечно не сравнить, но смотреть на него было приятно.

– Джейн, это Ричард Арчер, журналист «Time Out». Ричард, это Джейн Эшфорд, специалист по древним языкам.

– Очень приятно, – улыбнулась я и уточнила. – «Time Out» – это ведь развлекательный журнал, да? О культурных мероприятиях?

– Совершенно верно. Рад познакомиться, Джейн, – он слегка поклонился.

– Ричард, кстати, можешь взять интервью вот у Джейн, послушать, так сказать, впечатления от данного мероприятия с филологической точки зрения, – вмешался Алекс, когда церемония знакомства подошла к концу. – А ты, Джейн, сейчас соберись и после выхода следующего номера проснёшься знаменитой!

– Юморист, – хмыкнула я, но Ричард неожиданно с улыбкой заметил:

– Почему бы нет? Всестороннее освещение темы – залог успеха. С историками я уже наобщался по самое не могу, даже парочку благотворителей успел поймать, а вот специалиста по древним языкам – ещё ни разу!

Я удивлённо повернулась к нему.

– Так вы правда пишете о данном мероприятии? Неужели оно настолько значимое?

Алекс и Ричард переглянулись и неожиданно оба фыркнули.

– На самом деле нет, – признал журналист. – Моё присутствие здесь было незапланированным. Этим вечером я должен был взять интервью у Натали Портман, которая сегодня прилетела в Лондон. Но у них там из-за погодных условий рейс три раза переносили, а когда они, наконец, долетели, звезда была полуживой от усталости и девятичасового перелёта, и всё перенесли на завтра, а номер сегодня надо сдать в работу! Главный редактор час носился по кабинету, придумывая, чем бы заткнуть эту дыру, и единственным выходом оказалось это мероприятие. Хотя я на месте читателей был бы разочарован. Только представьте – ждёшь интервью с Портман, а получаешь вечер в историческом обществе... Не в обиду вам всем сказано.

– Никаких обид, – заверил Алекс, когда мы с ним наконец-то отсмеялись. – Я бы тоже был разочарован. Джейн, напомни мне не брать следующий номер «Time Out», там всё равно не будет ничего интересного.

– Как это? – обиделась я. – А как же интервью со мной?

– Ах да, – спохватился тот и покаянно склонил голову. – Виноват. Исправлюсь.

Тем временем в зале началось некоторое движение, и мы заозирались по сторонам. Музыка смолкла, танцевавшие па-

ры освободили центр зала, отходя к стенам. Несколько человек подошли к балюстраде второго этажа, куда вела широкая лестница в другом конце зала. Гости расступились, вставая полукругом, а затем в центр зала – ровно туда, где в начищенном до зеркального блеска паркете отражался сиявшая на потолке люстра – вышел Алан Маршалл с бокалом шампанского и микрофоном. Вместо обычного галстука на нём была бабочка, и смотрелся наш спонсор очень импозантно.

– Добрый вечер, леди и джентльмены! – на самом деле с таким от природы громким голосом он мог бы обойтись и без микрофона. Его и так прекрасно было бы слышно во всех уголках помещения. Он говорил каким-то таким невероятным образом, что ни у кого и сомнения не могло возникнуть, что он лично написал приглашение каждому из собравшихся, и видеть нас всех – невероятное удовольствие для него. – Я рад приветствовать всех вас! Надеюсь, вы наслаждаетесь этим вечером так же, как я! И позвольте сказать...

– Ну что? – раздался голос прямо у меня над ухом, и остаток фразы я не услышала. – Как вечер?

Повернув голову, я обнаружила, что к нам пробилась Шарлотта, за которой по пятам следовал её кавалер. Не обращая никакого внимания на разглагольствовавшего Маршалла, она быстро шёпотом представила Фостеру Алекса, а затем тот отрекомендовал Ричарда.

– Алан в своём репертуаре, – негромко заметил Фостер, обменявшись дежурными фразами с остальными. – Всегда

выступает так, что в конце его монолога слушатели готовы клясться в вечной дружбе и преданности. Талант...

– Ты давно его знаешь? – с интересом уточнила Шарлотта. Фостер слегка улыбнулся.

– Больше, чем вы все можете себе представить.

Алан тем временем договорил, пожелал всем приятного вечера, а затем с учтивой улыбкой пригласил на танец Розмари Блэквуд, которая стояла неподалёку. Она подтвердила слова Майкла, когда с улыбкой приняла его приглашение, хотя мне казалось, что на подобную мимику эта дама в принципе не способна. Вновь зазвучала музыка, гости снова задвигались по залу, и приём вернулся в своё русло.

– Так вы лингвист, – дружелюбно обратился ко мне Ричард. – У меня есть несколько знакомых журналистов, учившихся на филологическом. А вы чем занимаетесь?

– Всем понемногу, – пожала плечами я. – У меня есть постоянная работа – я преподаю языки на вечерних курсах. И есть подработки – я имею некоторое представление о древнегерманских языках и перевожу тексты с древнеирландского.

Боковым зрением я уловила какое-то движение и в следующий момент не столько увидела, сколько почувствовала, с каким пристальным, пронзительным вниманием на меня посмотрел прекрасный принц, лорд Байрон и бог Аполлон в одном лице. Едва удержавшись, чтобы не дёрнуться, я сделала вид, будто ничего не замечаю, хотя от этого взгляда мне

стало не по себе. Словно два шурупа резко ввинтились мне в голову, честное слово!

Шарлотта принялась о чём-то расспрашивать Ричарда, а Алекс задал какой-то вопрос Фостеру, тот отвернулся от меня и нейтральным тоном принялся отвечать, и я наконец-то смогла выдохнуть.

Боже мой! Ну что во фразе «Я перевожу тексты с древнеирландского» может вызвать такую реакцию?!

А почему бы и не выяснить? Что-то ему придётся ответить, поскольку нас здесь пятеро, и промолчать точно не получится!

– Мистер Фостер, – решительно обратилась к нему я.

Тот повернулся ко мне с совершенно спокойным выражением лица.

И в этот момент что-то изменилось.

Глава 6

В воздухе раздался какой-то хлопок – совсем негромкий, и я мельком удивилась, как я смогла расслышать его сквозь игравшую музыку и голоса гостей. Время словно остановилось, и я увидела, как на долю секунды на лице Фостера появилось обеспокоенное выражение. Он резко повернулся, пока остальные продолжали непринуждённо болтать. А в следующий миг в зале воцарился хаос.

Пол под ногами словно пошатнулся. Неизвестная сила отшвырнула меня так, что я проехала по паркету пару метров, пребольно ударившись локтем. От боли у меня потемнело в глазах, но я услышала грохот, словно в зале что-то взрывалось, и этот звук не смогли заглушить крики и пронзительный женский визг. Затем в голове прояснилось и, как со стороны, я увидела, что вокруг взрывались вазы с цветами и оконные стёкла. Странная деталь – осколки летели внутрь помещения, словно источник взрыва находился снаружи. Стекло летело с такой силой, что за несколько секунд множество людей, стоявших близко к окнам, получило тяжелейшие травмы. Самые невезучие напоминали теперь гротескных, исковерканных ежей – из-за торчащих из тел осколков. Рядом пошевелилась упавшая Шарлотта, а затем, в довершение картины, разлетелась на куски огромная люстра. Я сообразила вовремя опустить голову и зажмуриться, что-

бы осколки не поранили лицо, пока вокруг звенело стекло и кричали люди. Просидев несколько минут в таком положении, я встряхнулась – с меня упали и звякнули о пол несколько кусков стекла – и приоткрыла глаза. В голове было удивительно пусто, и мне пришлось приложить определённые усилия, чтобы начать отдавать себе отчёт в том, что творилось вокруг.

В зале было темно, поскольку вместе с люстрой взорвались и прочие лампы. Единственным источником освещения стали фонари вокруг особняка, чей свет теперь свободно попадал в помещение сквозь голые оконные проёмы. Его было мало, но всё же можно было разглядеть, что творится вокруг. Несколько человек достали мобильные телефоны, пытаясь посветить вокруг себя дисплеями или встроенными фонариками, но их свет больше мешал, чем помогал что-то увидеть. Кто-то сидел на полу, ничего не понимая, у окон лежали самые тяжелораненые, и меня замутило, когда я разглядела расплывающиеся на нарядной одежде тёмные пятна. Меня очень удивило, что большинство присутствующих по-прежнему стояло на ногах, хотя первый взрыв, как мне показалось, был такой силы, что должен был сбить с ног абсолютно всех. Наименее пострадавшие гости разделились на две группы. Первые спешили как можно скорее покинуть опасное место, и стекло громко хрустело под ногами тех, кто торопился к входным дверям. Вторая половина суежилась у пострадавших. Кто-то особенно деятельный уже громко отда-

вал распоряжения звонить в полицию и в скорую помощь.

– Хелен! Хелен, где ты?!

– На помощь!

– Позвоните кто-нибудь в скорую, тут человек умирает!

– Уже позвонили!

– Позвоните ещё раз!

– А полиция?!

– Мистер Маршалл, вы живы?!

– Это террористы, да?! Нас всех теперь убьют?

– Нас что, взяли в заложники?!

– Хелен, да где же ты?!

В последней реплике отчётливо слышалась паника. Кто-то тронул меня за руку – рука была словно чужой, и я не сразу поняла, что происходит, поэтому меня слегка потрясли за плечо. Медленно, по-прежнему с трудом соображая, я повернула голову и увидела перед собой Шарлотту, которая сидела рядом. В светлых кудрявых волосах тускло блестели осколки, косметика слегка смазалась, глаза расширены, но в остальном она выглядела обычно.

– Ты жива? – почему-то шёпотом спросила она. Я с трудом могла расслышать её. – У тебя кровь сбоку.

Я осторожно пощупала лоб и с удивлением обнаружила там ссадину, которой даже не чувствовала. Пальцы окрасились красным, и я рассеянно вытерла их о платье.

– Я нормально, – язык повиновался мне с трудом, но в своих словах я была вполне уверена.

Шарлотта вымученно улыбнулась, а затем посмотрела куда-то поверх моего плеча и охнула:

– О Господи, там Маршалл!

Обернувшись и проследив за её взглядом, я увидела, что посреди зала лежал Алан Маршалл. Хотя он и находился далеко от окон, осколками задело и его, и теперь из окровавленной груди и рук торчали куски стекла. Но он был жив и даже оставался в сознании. Вокруг него уже собралось несколько человек, среди которых я заметила и Розмари Блэквуд. Она сама была цела, хотя издалека я не могла понять, ранена ли она.

– Что это было? – наконец изумлённо спросила я, приходя в себя и пытаясь осмыслить случившееся. – Бомба? Перепад электричества?

– В этом случае скорее начался бы пожар, – резонно возразила подруга, покосившись на распростёртые тела, а затем изумлённо посмотрела на меня. – Джейн, что же получается? Мы... мы могли сейчас погибнуть, да?

На последней фразе её голос дрогнул, но выглядела она вполне спокойной. Должно быть, шок ещё не прошёл, как и у меня.

– Возможно, – осторожно произнесла я, как бы пробуя на вкус это слово. – Но не обязательно. А где остальные? Помните, нас было пятеро... И ещё Патрик должен быть где-то здесь...

Мы огляделись. Почему-то нас обоих отшвырнуло куда-то

вбок, и сейчас мы сидели чуть ли не в трёх метрах от того места, где до этого общались с остальными.

– Ничего себе нас отбросило, – выдохнула Шарлотта.

– Пойдём, поищем ребят? – предложила я.

Та кивнула, и мы медленно, держась друг за друга, поднялись на ноги. К нам тут же направилась одна дама из числа самых деятельных гостей, кто уже активно занимался оказанием первой помощи раненым:

– Девушки, вы как? Целы?

– Мы в порядке, – кивнула Шарлотта. – Спасибо. Вы поняли, что это было?

Дама неопределённо пожала плечами и поспешила дальше к тем, кому помощь была нужнее, а мы с Шарлоттой, прихрамывая и по-прежнему держась за руки, отправились на поиски друзей. Болела ушибленная нога, на которую я приземлилась во время падения, так что я слегка прихрамывала, но в остальном, кажется, была цела. Каблуки мешали, но не могло быть и речи о том, чтобы разуться, пока под ногами хрустело битое стекло. Кто-то из официантов успел сходить в кладовую и принёс несколько фонарей. По полутёмному залу заметались белые электрические лучи.

– Джейн! Вы живы! – я с облегчением выдохнула и повисла на шее подошедшего Алекса. За ним следовал Ричард Арчер – он, морщась, одной рукой поддерживал другую. Идеально выглаженный костюм был теперь безнадёжно помят, но серьёзных ран, кажется, не было. – Вы поняли, что про-

изошло?

– Нет, – он отпустил меня, и я озабоченно нахмурилась. – Вы здесь, а где Мартин?

– И Майкл? – добавила Шарлотта. – Он был рядом с вами. Алекс и журналист недоумённо переглянулись, словно только сейчас вспомнили о нём.

– Не знаю, – наконец неуверенно ответил Ричард. – Такое впечатление, что все остались на ногах, кроме нашей группы. Нас отшвырнуло в сторону, и его мы больше не видели.

– Надо бы их найти, – я огляделась по сторонам, но знакомых лиц больше не было видно. – И Мартина, и Патрика. Вдруг что-то случилось?

– Хорошо, – Алекс осмотрелся, оценивая обстановку. Народу в зале осталось немного. Не понимая, что случилось, и откуда пришла опасность, многие поспешили покинуть небезопасное место, но паники не было. – Тогда я проверю вдоль правой стены, Шарлотта – вдоль левой. Джейн, а ты выйди на улицу – вдруг они уже там. Ричард, можешь пойти с Шарлоттой? Просто на всякий случай.

Тот серьёзно кивнул.

– Конечно.

Мы разделились. Чем ближе я подходила к дверям, тем больше ускоряла шаг. Мне подсознательно хотелось поскорее очутиться подальше от этого места и не слышать этот отвратительный хруст под ногами. На улице меня немедленно обдало холодным ветром, но от мысли, что можно вернуть-

ся и поискать гардеробную, куда должны были унести верхнюю одежду гостей, меня затошнило. Нет уж, я лучше пока на воздухе побуду.

Народу на улице почему-то было не очень много. Некоторые гости спешили поскорее покинуть опасную зону и сразу направились на стоянку, но нашлись и те, кто сейчас сидел или стоял около особняка, ответственно дожидаясь полиции. Паники и криков здесь уже не было, хотя какая-то женщина истерически всхлипывала, а ещё несколько человек взволнованно обсуждали случившееся, не замечая, что говорят слишком громко. Кто-то, как и я, искал своих знакомых, выкрикивая их имена. Ни Мартина, ни Патрика среди них я не заметила, и в голове мелькнула совершенно неуместная ассоциация – выжившие после крушения «Титаника» пассажиры на борту спасшей их «Карпатии» ищут своих близких...

На парковку идти было бессмысленно, поскольку я не сомневалась, что ни Патрик, ни Мартин не уехали бы отсюда, не узнав, что случилось с нами. Не знаю, почему – скорее всего потому, что я ещё не пришла в себя от шока – но я решила обойти особняк вокруг.

Открытым ногам было холодно, а под светом фонаря я теперь могла разглядеть, что от моих колготок осталось одно воспоминание. Порезов на мне вроде бы не было, хотя синяки наверняка появятся и на колене, и на локте. Зябко обхватив себя руками, я упрямо зашагала вперёд. Идея была

совершенно бессмысленной: уже сбоку от особняка никого не было, а позади него и вовсе должно быть пустынно, но я почему-то продолжала идти. В голове билась одна мысль: «Я должна найти остальных», и кажется, я просто была не способна мыслить адекватно.

За домом обнаружилось заднее крыльцо, совершенно пустое, и фонарь горел всего один. В моём сознании, на которое по-прежнему действовал впрыснутый в кровь адреналин, наконец-то отразилось понимание, что здесь мне делать нечего. Я развернулась было в обратном направлении, но тут дверь на крыльце хлопнула, и на пороге появилась женская фигура. Неестественно белый свет фонаря делал её похожей на мертвеца, но в ней всё равно можно было узнать Розмари. С несколькими порезами на бледном лице и открытых руках она становилась похожа на иллюстрацию к страшной сказке.

– Получается, мы были правы, – она прошлась взад-вперёд по широкому крыльцу. Голос её звучал жёстко. – Во всём.

Я прижалась к стене. Поскольку я стояла неподалёку от крыльца, я хорошо видела эту женщину, но сама оставалась в тени, и Розмари меня заметить не могла. В этот момент с неё словно слетела маска, и вместо абсолютного равнодушия ко всему на свете проступили решительность и сосредоточенность. Нескрываемые эмоции удивительным образом преобразили её лицо, сделали его живым и неожиданно красивым, и я внезапно осознала, что ей намного меньше сорока. Да

что там – ей было лет тридцать максимум!

– Теперь надо действовать быстро, – согласился с ней второй голос, и к Розмари присоединился Майкл Фостер. После взрыва он смотрелся несколько менее безупречно, но по-прежнему производил сильное впечатление: волосы растрёпаны, а на щеке виднеется порез, из которого вполне может получиться интересный шрам. Как и Розмари, он выглядел встревоженным, но, в отличие от неё, его эти эмоции, наоборот, делали старше, и сейчас они казались ровесниками.

– Но как? – резко спросила она. – Вдвоём мы не справимся. Предлагаешь поставить в известность Совет? Сам знаешь, пока место Уильяма свободно, они будут грызться между собой, и пусть хоть конец света наступает!

– Знаю, – угрюмо сказал Майкл и встал рядом с ней. – Но, может, хоть в этот раз они прислушаются? Алан чуть не погиб. Возможно, это их слегка отрезвит.

Розмари медленно кивнула.

– Надо попробовать.

Воцарилось молчание. Она направилась было к дверям, и я решила, что разговор окончен, но вдруг Майкл негромко произнёс:

– Мы должны сообщить Джеймсу.

Розмари стремительно остановилась, прямая, как палка, и совершенно неподвижная.

– Нет, – выдохнула она.

– Роуз...

– Он не поможет! Майк, мы же знаем, что за этим стоят тёмные! Как мы можем довериться...

– Ты же не верила, что Джеймс к этому причастен, – напомнил тот.

– Не верила и до сих пор не верю! Но как мы можем ему доверять?! Учитывая, кем он стал?

Майкл болезненно поморщился, словно у него внезапно разболелись зубы.

– Можем немного подождать, – наконец сказал он. – Но не уверен, что в этом есть смысл. Роуз, займись тогда Советом. Проинформируй их.

– Хорошо, – коротко кивнула та. – А ты?

– А я займусь девицей, – отозвался тот.

– Ты ещё думаешь, что от этой фотографии может быть толк? – удивилась Розмари.

Он отрицательно покачал головой и неожиданно усмехнулся.

– Можешь себе представить, Роуз, я сильно просчитался. Знаешь, кто её подруга? Специалист по древним языкам. Вот с кого надо было начинать...

Я в немом изумлении вытаращилась на него и неловко переступила с ноги на ногу. Больное колено отдалось звоном во всём теле, и я тихо зашипела сквозь стиснутые зубы. Но к счастью, они меня не слышали. Вдалеке раздались полицейские сирены, и Майкл с Розмари повернулись на звук.

– Пойду-ка я посмотрю, как там Алан, – решила она, но

Майкл вдруг поймал её за руку и развернул лицом к себе.

— Роуз, мы справимся со всем этим, — твёрдо пообещал он, глядя ей в глаза. — Даю тебе слово. Ты мне веришь?

Она улыбнулась — устало, но всё же искренне.

— Конечно, верю.

На секунду мне показалось, что Фостер сейчас её поцелует — с таким выражением нежности на лице он на неё смотрел. В этот момент я поняла, что у Шарлотты с самого начала не было ни шанса: весь вчерашний и сегодняшний флирт был обычной игрой и не шёл ни в какое сравнение с одним-единственным взглядом. Но затем они отстранились друг от друга и пошли к дверям. Розмари скрылась в доме, а Майкл внезапно остановился на пороге и резко повернул голову прямо в мою сторону, так что я испугалась, что он меня заметил. Но нет — какое-то время он буравил взглядом темноту, в которой пряталась я, а затем последовал за своей возлюбленной.

Убедившись, что они ушли, я развернулась и поспешила обратно.

Перед домом уже стояло несколько полицейских машин и скорая помощь. Красно-синие вспышки освещали газон вокруг. Несколько санитаров уже направлялись к дому вместе с каталками, за ними следовали полицейские. Раньше я видела подобное только в фильмах и теперь удивлённо рассматривала окружающую обстановку, словно не могла понять, что происходит.

Процедура опроса свидетелей и оказания помощи пострадавшим затянулась надолго. То есть, самых тяжелораненых, конечно, быстро увезли, включая Алана Маршалла, но вот тем, кто обошёлся неопасными порезами и ушибами, пришлось подождать. Погибших пока не было, но состояние нескольких человек было крайне тяжёлым, и пока невозможно было сказать, выживут ли они. Потом меня нашёл Алекс, и от него я наконец-то узнала судьбу остальных – у Патрика оказалась повреждена левая рука, а вот Мартина пришлось увезти в больницу из-за глубоко застрявших осколков, которые нужно было извлечь хирургическим путём. Когда я, услышав об этом, нервно дёрнулась, Алекс успокоил меня, заверив, что ничего смертельного там не было, и жизни Мартина ничего не угрожало. Затем нас поймал полисмен и вежливо попросил рассказать, что произошло. Пока мы отвечали на его вопросы, прошло, наверное, ещё полчаса. За это время к нам подошли Шарлотта и Ричард, помогая отвечать на вопросы, а потом из дома вышел Патрик. Левая рука у него теперь покоилась на перевязи, и он напоминал раненого героя войны.

– Офицер, так что здесь всё-таки произошло? – обратился Ричард к полисмену, на что тот только развёл руками.

– Следов взрывчатки в доме пока не обнаружили. По всей вероятности, перегрузка электросети плюс слишком сильный порыв ветра, выбивший окна...

Мы с друзьями скептически переглянулись. Ветер? Что за

ерунда?

Полисмен закончил расспросы, сообщил, что мы можем разъезжаться, и ушёл. Ричард вежливо извинился и попрощался с нами, а Алекс озвучил наши общие мысли:

– Что за чушь? Ветер не мог так выбить окна, у нас же тут не ураган «Катрина» бушевал!

– Может, они просто скрывают истину? – предположила Шарлотта. – Может, всё настолько серьёзно, что они не хотят сообщать правду во избежание паники?

– Да бросьте, – возразил Патрик. К моему удивлению, он не выглядел уставшим, а наоборот, казался удивительно воодушевлённым. Такое выражение лица бывало у него всегда, когда он оказывался на пороге какого-то великого открытия, и мы подозрительно взглянули на него. – Они не скрывают истину, а просто пытаются объяснить случившееся понятными причинами. Не все же так осведомлены, как мы.

– Что ты имеешь в виду? – не понял Алекс.

– Ну, подумайте сами! – Патрик разве что только руки не потирал от удовольствия. – Взрыв в закрытом помещении без взрывчатки. Выбитое стекло без объективной причины! Как ещё это можно объяснить?

Мы переглянулись, и наконец я осторожно уточнила:

– Ты считаешь, что здесь творилось что-то сверхъестественное?

– Ну конечно! – воскликнул Патрик так радостно, словно не он мог погибнуть этой ночью. – Не знаю, что это было –

ритуал, заклинание или что-то ещё, но это точно наш случай!

Мы по-прежнему молчали, а он, не обращая на нас внимания, продолжал:

– Надо получить разрешение, чтобы всё здесь обследовать. Сейчас уже не получится, а вот завтра с утра нужно... Шарлотта, Алекс, завтра возвращайтесь сюда и всё осмотрите. Эх, как жаль, что Мартин в больнице... Джейн, не уверен, что здесь есть работа по твоему профилю, так что можешь завтра не приезжать, но будь на связи. Если ребята всё же что-то найдут, Шарлотта пришлёт тебе снимки. Я должен позвонить Патриксону...

– погоди, Патрик, – резко остановила его Шарлотта. – Ты что, правда, хочешь, чтобы мы завтра снова сюда вернулись?

– Конечно! – без малейших сомнений отозвался тот. – Шарлотта, пойми, мы наконец-то обнаружили что-то настоящее! Что-то, что можно расследовать по горячим следам, а не просто занести в наши архивы! Неужели ты хочешь именно в этот момент отступить?

Судя по лицу подруги, она сейчас вполне могла, не скрывая своих чувств, высказать начальнику всё, что думает о его фанатизме и потребительском отношении к сотрудникам. Алекс это заметил и решил вмешаться, пока дело не дошло до конфликта:

– Предлагаю всем отправиться по домам. Отдохнём, выспимся и завтра посмотрим, что к чему. Все согласны?

Патрик и Шарлотта неохотно кивнули. Я всем своим ви-

дом выразила согласие, нисколько не расстраиваясь, что завтра мне не придётся сюда ехать. Во-первых, мне очень не хотелось возвращаться в место, где пострадало столько человек, а во-вторых...

Мне и так было над чем подумать.

Глава 7

До дома я добралась без происшествий. Было уже за полночь, и в наших окнах не горел свет, чему я только обрадовалась. Значит, Тея уже легла, и мне не придётся объяснять свой потрёпанный и помятый внешний вид. Адреналин наконец-то схлынул, и у меня разом не осталось сил ни на что, а от мысли, что кому-то пришлось бы ещё рассказывать о случившемся, меня замутило.

Включив в коридоре свет, я повесила в шкаф куртку, сбросила туфли на каблуках, от которых устали ноги, и бо-сиком отправилась прямиком в ванную. Там было зеркало в полный рост, перед которым я наконец-то смогла оценить масштаб сегодняшних повреждений. В целом, ничего особенно кровавого или опасного в своём облике я не заметила. На лбу сбоку тянулась длинная ссадина, которую мне промыли перекисью врачи скорой помощи, и кровь оттуда уже не шла. Несколько царапин вспухли на руках, ещё две-три выглядывали из дыр в колготках на ногах. Неприятно, но уже через пару недель от них ничего не останется. Колготки, по сути, превратились в лохмотья. Платье нуждалось в чистке. В остальном же... Тёмно-рыжие волосы, которые спускались ниже плеч и которые Тея сегодня старательно завila и уложила, превратились в воронье гнездо, из которого торчала ещё пара осколков. На фоне ссадин и царапин кожа

казалась болезненно бледной, подрисованные карандашом стрелки над глазами стёрлись и превратились в неопрятные пятна. Уставшие за день от контактных линз глаза воспалились и покраснели.

Ну просто королева красоты. Только диадемы и ленточки через плечо не хватает.

Чтобы не расстраиваться, я торопливо отвернулась от зеркала и залезла под душ. Интересно, как Розмари Блэквуд умудрилась выглядеть эффектно даже после случившегося?

Решив больше ни о чём не думать, я вымылась и отправилась спать. Обо всём случившемся я подумаю завтра.

Спустившись утром на кухню, я обнаружила, что Тея сидит за столом и завтракает. Жужжал телевизор, рассказывая утренние новости, упоительно пахло кофе. За окном хоть и было облачно, но небо оставалось высоким и не предвещающим дождя. Даже орхидея на подоконнике сегодня не слишком напоминала корягу. Настроение улучшилось само собой. Тея пила кофе, тыкая одним пальцем в телефон, и при моём появлении на секунду подняла глаза. Я специально встала к ней боком, чтобы свет падал на здоровую часть моего лица.

– Доброе утро, – ничего не заметив, поздоровалась она и сразу вернулась к телефону.

– Привет.

– Можешь себе представить, по телевизору вообще ничего интересного нет, – пожаловалась она. – Пришлось новости

включить.

Я хмыкнула, достала из холодильника яйца, молоко, и принялась взбалтывать их в керамической миске для омлета.

– Как вчера всё прошло? – поинтересовалась она. – Как вечер? Твою причёску оценили?

– Конечно, – подтвердила я, по-прежнему не горя желанием распространяться о прошедшем вечере. – Всё отлично. А как ты вчера с подругами встретилась? Расскажешь?

– Конечно, – с энтузиазмом согласилась сестра и даже выключила телефон. Затем она взяла пульт с намерением сделать звук потише, но не успела. Ведущий новостей, закончив рассказывать о встрече премьер-министра со своим французским коллегой, перешёл к следующему сюжету. На экране замелькали кадры знакомого особняка в том виде, в котором я вчера его оставила – с голыми проёмами вместо окон, жёлто-чёрными лентами у крыльца, наклеенными полицией. Прошло несколько полицейских, потом показали, как на каталке врачи везли кого-то из раненых гостей к машине.

– ЧП на севере Лондона. Благотворительный вечер исторического общества «Миллениум» окончился трагедией. Очень сильный ветер повредил линии электропередач, что вызвало короткое замыкание электросети в здании. Тот же ветер выбил окна на первом этаже, что привело к серьёзным травмам. Несколько человек были госпитализированы, пострадавшим была оказана необходимая помощь, погибших нет. В частности, серьёзно пострадал известный филантроп

и благотворитель Алан Маршалл. Полиция утверждает, что всё случившееся – лишь несчастный случай. На данный момент на месте событий ведутся работы по устранению последствий происшествия. Данный инцидент заставляет нас задуматься о том, что же творится с погодой в последние дни. Аномально сильный ветер в Лондоне, шторм в Норфолке, наводнение в Девоне... В эфире наш метеоролог Джим Хатчер, который, надеюсь, сможет прояснить нам ситуацию. Доброе утро, Джим!

На экран снова вернулась студия, в которой напротив ведущего теперь сидел вышеназванный Джим. Поприветствовав зрителей белозубой улыбкой, он принялся что-то объяснять, ссылаясь на столкновение каких-то циклонов и антициклонов, а также смещение крупных воздушных масс, но дослушать его я не смогла, поскольку Тея решительно выключила звук и повернулась ко мне. На её лице застыло встревоженное выражение.

– Джейн, что это? Ты же вчера была именно там, правильно? – тут она прищурилась и ахнула. – Что это с твоим лицом? Это там тебя так ранило?!

Я машинально коснулась рукой ссадины на лице и зашипела, когда та отозвалась ноющей болью, а затем неохотно отозвалась:

– Да. Но я ещё легко отделалась, а Мартина в больницу забрали.

– Тебе оказали вчера первую помощь?! Рану продезинфици-

цировали?

– Конечно.

Она немного успокоилась и осторожно спросила:

– И что? Это правда... просто погода?

И хотя Тея знала о сверхъестественном, мне не хотелось делиться с ней соображениями Патрика. Я сама ещё не до конца поверила в их правдивость, а сестра и вовсе может покрутить пальцем у виска и сказать, чтобы я перестала заниматься ерундой. Или ещё хуже – поверит мне и запаникует, родителей оповестит... Этого мне совсем не хотелось.

– Похоже на то, – наконец осторожно произнесла я. – По крайней мере, никаких других объяснений никто не нашёл.

– А родители в курсе?

– Нет! – воскликнула я. Да если мама бы узнала, что вчера произошло, у неё бы случился сердечный приступ! – И сомневаюсь, что этот выпуск новостей покажут в Турине, так что ничего им не рассказывай, ладно?

– Они всё равно могут узнать. Например, если будут общаться со своими английскими коллегами...

– Вот тогда об этом и поговорим, – твёрдо решила я. – А пока будем молчать, хорошо?

Тея несколько секунд подумала, а потом пожала плечами.

– Как скажешь. А что с Мартином? Что-то серьёзное?

– Вроде нет, – я помрачнела. – Жить будет точно, но приятного всё равно мало. Надо будет к нему в больницу съездить...

Где-то в глубине квартиры зазвонил мой телефон, и я убежала на его поиски. Звонил Алекс, который сообщил, что всё стекло из Мартина благополучно вынули, но несколько дней ему придётся пролежать в больнице, а посещения будут разрешены с завтрашнего дня. Они же с Шарлоттой сейчас снова отправились в особняк и обещали позвонить, если найдут что-нибудь интересное.

Тея вскоре после завтрака засобиралась на работу, а я, вполне успокоенная новостями о Мартине, поднялась к себе. Села за стол, на котором были разложены рисунки рун и мои заметки.

Патрик думает, что вчерашнее происшествие – явление сверхъестественного мира... У меня нет никаких чётких аргументов ни за, ни против, и вполне возможно, что Патрик прав. Но тогда встаёт вопрос: хочу ли я вообще иметь к этому отношение? Одно дело – заниматься всякой мелочёвкой, вроде перевода древних текстов, и никогда не соприкасаться со сверхъестественным напрямую, и совсем другое – иметь дело с тем, что может оказаться опасным для жизни! То, что случилось вчера, уж точно ерундой не назовёшь, да и пострадавшие там были! Ведь это... совсем другой мир, к которому мы, обычные люди, совершенно не приспособлены, и о котором имеем лишь самое смутное представление, основанное на неподтверждённых фактах и теориях!

Звонок в дверь вернул меня из этих тяжёлых, неприятных размышлений в реальность. Гостей я не ждала. Алекс и Шар-

лотта предупредили бы о приезде, а Тея недавно уехала... Вздохнув, я неохотно поднялась со стула, вышла из комнаты и спустилась в прихожую. Укрепившись в мысли, что Тея просто забыла дома телефон или ключи, я даже не посмотрела в глазок и просто распахнула входную дверь, а в следующий миг невольно подалась назад.

На пороге стояли Майкл Фостер и Розмари Блэквуд.

Вот о ком я совсем забыла, хоть и собиралась подумать в свободное время о подслушанном вчера разговоре! Они говорили как люди, которым известно о случившемся больше, чем полагалось бы знать простым очевидцам, и от этой мысли мне стало не по себе. В голову сразу полезли воспоминания о том, как Майкл пообещал Розмари «заняться» мной, и я здорово перепугалась, по какой-то причине решив, что сейчас меня убьют в коридоре собственного дома, и никому за это ничего не будет. Страх накатил так стремительно, что я даже не задалась вопросом, откуда им вообще известен мой адрес. Однако мои потенциальные убийцы не спешили набрасываться на меня. Вместо этого Майкл очень вежливо спросил:

– Мы можем войти? Нам надо поговорить.

Пока я отчаянно выискивала способы кратчайшим путём добраться до оставленного наверху телефона и вызвать полицию, Розмари критически оглядела меня с головы до ног и совершенно хладнокровно посоветовала:

– Да не тряситесь вы. Мы не причиним вам никакого вре-

да. Наоборот, нам нужна ваша помощь.

— Моя помощь? — я так сильно удивилась, что на время и впрямь позабыла о страхе. — Какого рода?

Майкл красноречиво обвёл глазами дверь, и я, покорившись судьбе, шагнула в сторону.

— Проходите.

Закрывая за ними дверь, я успела заметить припаркованный у дома «Ягуар» и соседа из дома напротив, созерцавшего автомобиль примерно с таким же видом, который позавчера был у Алекса. Ну вот, теперь ещё пойдут расспросы или сплетни...

Я проводила «гостей» на кухню и предложила присесть. Там, в дневном свете, я смогла рассмотреть и их самих, и то, как на них отразился вчерашний «несчастный случай».

Розмари была сегодня одета в стильную тужурку и джинсы, и почему-то я сразу поняла, что вместе они стоят больше моей месячной зарплаты — не самой большой, но всё же вполне приличной. Русые волосы были заколоты на затылке, оставляя открытыми несколько неглубоких царапин на лице, кожа была чистой и гладкой, лишь с парой морщинок на лбу.

Майкл же... выглядел, как Майкл. Тёмные волосы взлохмачены ветром, синие глаза больше подходят герою из романа. Вот только, в отличие от наших предыдущих встреч, сейчас он был очень серьёзен, отчего казался старше, и вообще не предпринимал никаких попыток выглядеть, как традиционный герой-любовник. Нет, сегодня он был строг и сосре-

доточен. Никаких повреждений, кроме пореза на щеке, я на нём не заметила, а в руках он держал свёрток прямоугольной формы, тщательно завернутый в бумагу и даже обмотанный крест-накрест бечёвкой. На нашей с Теей кухне эта пара смотрелась очень неуместно, и я снова задалась вопросом, что им могло понадобиться.

А ведь не только у меня, но и у Шарлотты с самого начала не было никаких шансов, вдруг подумала я. Я же видела, каким взглядом он вчера смотрел на Розмари – именно о таком взгляде мечтает каждая женщина – и по сравнению с ним весь этот флирт с Шарлоттой выглядел не больше, чем инсценировкой. Причём и самой Розмари было о ней прекрасно известно.

– Как после вчерашнего себя чувствует ваш друг? Его прооперировали? – спросила Розмари.

– Ему лучше, спасибо, – вежливо ответила я, мельком удивившись, что им известно о Мартине. – Хотя выписывать его пока не собираются. А как мистер Маршалл?

– С ним всё будет в порядке, – ответил вместо Розмари Майкл. – Раны неприятные, но не очень серьёзные. Он поправится.

Я кивнула и улыбнулась. Алан Маршалл произвёл на меня в общем-то приятное впечатление, и мне не хотелось бы, чтобы с ним случилось что-то непоправимое. Но вот сами вежливые вопросы прозвучали совершенно равнодушно, словно эти люди только подбирались к цели разговора, и я сосредото-

точилась, ожидая продолжения.

– У вас есть мысли, что именно вчера произошло? – пылливо осведомилась Розмари.

Я сделала вид, будто удивилась, и для наглядности похлопала глазами:

– Но ведь полиция сказала, что всё дело в плохой погоде! И в новостях сегодня об этом говорили!

– Конечно, говорили, – Майкл усмехнулся и презрительно скривил губы. – Самое простое дело – списать всё на природные причины! А что им, бедным, остаётся? Честно объявить в эфире, что рационально объяснить случившееся нельзя, и следовательно, здесь замешаны магия и сверхъестественное?

Застыв на своём месте, я медленно повернула голову и посмотрела на него. Почему он только что это сказал? Что он может знать о магии? Он же не из «Искателей»! Я прекрасно понимала, что актриса из меня никакая, и притвориться, будто я приняла эти слова за шутку, не удастся. Скорее по инерции я постаралась сделать недоумевающее лицо, приподняла брови и нейтральным тоном переспросила:

– Магия?..

– Не переигрывайте, – Розмари с досадой поморщилась. – Мы же не просто так сюда пришли, и знаем, кто вы. Вы Джейн Эшфорд, работаете на Патрика Милтона, главу «Возрождённого Общества Искателей», которое занимается тем, что собирает сведения о сверхъестественном мире. Вы переводчик с древнеирландского и в целом разбираетесь в древ-

ней культуре. Так что не притворяйтесь, будто слово «магия» для вас пустой звук.

Я перевела взгляд с неё на Майкла, который выразительно покивал головой – мол, да, мы действительно навели о вас справки. Я же торопливо размышляла, вновь борясь с соблазном позвонить в полицию. Нет, я не настолько важная фигура, чтобы обо мне было невозможно получить какую-нибудь информацию, и та же Шарлотта вполне могла рассказать обо мне. Но пугала скорость, с которой они эту информацию получили – ещё вчера вечером Майкл даже моего имени вспомнить не мог, а сегодня уже знает место работы и домашний адрес! Выходит, они планомерно искали данные именно обо мне?

Впрочем, было ещё кое-что, что мне тоже совсем не нравилось.

– Ну, допустим, – мрачно сказала я. – Но в этом случае у меня возникает встречный вопрос – кто вы такие? В то, что во вчерашнем взрыве была замешана магия, пока поверил только Патрик, а он учёный до мозга костей. Вы же не из «Искателей», и для простых любопытствующих настроены... слишком решительно.

Они переглянулись, и мне показалось, что они безмолвно принимали какое-то общее решение. После этого Розмари пожала плечами, а Майкл внезапно махнул рукой, и в ту же секунду все небольшие предметы, находившиеся на кухне, сами собой взмыли в воздух. Бутылка воды на подоконнике,

пустой чайник на плите, пульт от телевизора, чистые чашки на полке, несколько яблок на кухонной стойке, подставка с салфетками, рулон бумажных полотенец – все они оторвались от поверхности и повисли в воздухе. Широко распахнув глаза и потеряв дар речи, я с изумлением рассматривала эту картину. В то, что это просто какой-то фокус, и сейчас откуда-нибудь вылезет оператор с заявлением: «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера!», я не поверила ни на секунду и с удивительной отчётливостью поняла, что всё, во что верил столько лет Патрик, оказалось правдой.

С трудом оторвавшись от созерцания зависших в воздухе предметов, я посмотрела на Майкла и тонким голосом уточнила:

– Колдовство?

– Магия, – строго поправил он меня.

Я покивала головой, не видя, впрочем, никакой разницы, и на секунду задалась вопросом, не присесть ли мне. Затем перевела взгляд на Розмари, которая прислонилась к холодильнику, и осторожно спросила:

– И вы тоже?..

Она усмехнулась и подошла к подоконнику. Майкл взмахом руки вернул все предметы на место, умудрившись при этом ничего не разбить и не уронить, а Розмари мягко провела рукой по коряге в горшке. На моих глазах та зашевелилась, распрямилась, затем покрылась бутонами и, наконец, распустилась бело-розовыми цветами, и я опознала в ней ту

самую орхидею, которую когда-то подарили маме. На всякий случай я подошла ближе и осторожно пощупала лепестки – вполне настоящие, не искусственные.

Получается, что Патрик и прочие Искатели оказались во всём правы. Всё, чем я занималась столько лет, имело под собой реальную основу. Нет, я и сама в это верила... Верила в магию, в магов, в заклинания, в ритуалы... Но одно дело – просто во что-то верить, и совсем другое – получить чёткое подтверждение, что всё это существует на самом деле... И мало того, что существует, оно ещё самостоятельно врывается в мою жизнь, и я совершенно не представляю, чем это может быть для меня чревато. Раз ответственность за всё то, что случилось вчера, лежит на магах, как я могу быть уверенной, что моей жизни ничего не будет угрожать?

Но ведь с другой стороны... это так интересно! Это же такая возможность выйти за границы обыденного мира, в котором всё расставлено по своим местам, стать причастной к некой тайне, о которой известно совсем небольшому количеству людей! Я не знаю, возможно, самым правильным сейчас было бы закричать, позвать на помощь или любым другим доступным способом выставить Майкла и Розмари за порог... Но я точно знаю, что буду об этом жалеть. Если я так легко отмахнусь от этой внезапно открывшейся мне правды, то никогда себе этого не прощу.

Несколько раз я глубоко вдохнула, принимая эту новую для себя истину. Затем, когда сочла, что достаточно взяла

себя в руки, чтобы не свалиться в обморок или завизжать, я бросила последний взгляд на цветущую орхидею и повернулась лицом к «гостям».

– И чем же я могу вам помочь?

На лице Розмари промелькнуло что-то вроде уважения – она явно не ожидала, что я так быстро успокоюсь и перейду к делу. Майкл же просто сказал:

– Нам нужно, чтобы вы помогли остановить того, кто всё это устроил.

Глава 8

Пару секунд на кухне царила тишина.

– Каким образом? – наконец прервала молчание я, когда сообразила, что Майкл был абсолютно серьёзен. – При чём здесь я? Я даже толком не поняла, что вчера произошло.

– Это и не должно вас тревожить. Случившееся вчера... неприятно, – Розмари болезненно поморщилась, но сразу же взяла себя в руки. – Однако это лишь второстепенное событие. Для нас намного важнее то, что мы видели два дня назад рядом с Оствиком.

Подобного заявления я совсем не ожидала и поначалу даже не поняла, что она подразумевала. На фоне взрыва и раненых людей плоский камень с нарисованными на нём символами казался чем-то совсем несущественным и отходил на дальний план.

– Так эти руны и в самом деле имеют отношение к магии? Там не просто кто-то развлекался?

– Конечно, нет, – с абсолютной уверенностью отозвалась она, и грациозно опустилась на стул – ноги скрещены, спина выпрямлена и не касается спинки стула, руки аккуратно сложены на коленях. На моей памяти, так сидели только члены королевской фамилии на торжественных фотографиях. – Патрик Милтон совершенно правильно оценил ситуацию и отправил в Оствик вас. Там провели ритуал, но мы пока не

уверены до конца, в чём заключался замысел того, кто его провёл.

– Но... я тоже не уверена, – растерялась я, поскольку она замолчала. – Я не смогла перевести эту надпись. Получается просто набор звуков, ни на что не похожий.

– Их и нельзя перевести дословно, – сообщил Майкл. – Рунический алфавит в магии используется редко, и каждая руна имеет не столько звуковое, сколько символическое значение. Вам ведь наверняка это известно?

– Наверняка известно, – медленно подтвердила я. – Но что это значит?

– В магии многое строится не на... точности исполнения, – тщательно подбирая слова, начала объяснять Розмари. – То есть не совсем так. Точность исполнения, конечно, очень важна, но не менее важны эмоции, которые вкладывает маг в свой ритуал или заклинание. Если заклинание не просто читать, но вкладывать в него свои душевные силы, оно выходит гораздо более мощным. Вот и здесь так же. Каждая руна несёт своё значение, и если определить значение каждой, можно понять, какой смысл вкладывал маг в этот ритуал.

– Да? – с жадным любопытством переспросила я, ненадолго задумавшись. Внезапно я сообразила, что она имела в виду, и торопливо добавила. – Сейчас приду...

Они остались на кухне, а я выскочила в коридор и побежала вверх, в свою комнату. Неожиданное объяснение Майкла

и Розмари словно пролило свет на происходящее, и я поняла, под каким углом надо было рассматривать древние символы. Подбежав к столу, я начала нетерпеливо перерывать бумаги в поисках моих заметок. Наконец, я нашла листок, на котором были тщательно нарисованы все двенадцать рун именно в том порядке, в котором они были изображены на камне. Подхватив свои записи, я спустилась обратно на кухню, где меня дожидались маги.

– Вот, – я положила лист на стол. Символическое значение рун я знала по памяти, поскольку одно время увлекалась этой темой. – Восемь рун в центре и четыре вокруг. В центре идут Яра, которая может означать возраст, урожай, а также текущий год, Туризас – шип, а также символ скрытых отрицательных сил, Гебу – дар. Также есть Перту – символ памяти, Эхвас – движение к цели, Райду, которая означает путь, и Иваз – знак защиты. Четыре руны вокруг: Ингваз – знак плодородия, Кеназ – факел, Иза – лёд и Лагуз – озеро. И в центре всего этого Хагалаз, которая означает град... – я на секунду запнулась.

Майкл словно понял, почему я запнулась, потому что кивнул мне, поощряя продолжить, и я неохотно договорила:

– Также Хагалаз считается связанной с Хель, скандинавской богиней смерти, и, соответственно, означает смерть.

Розмари одобрительно улыбнулась, когда я договорила.

– Что ж, отлично. Вы и в самом деле в этом разбираетесь.

– И в этом был смысл? – удивлённо уточнила я, когда не

последовало никаких вопросов и возражений. – Как же можно это интерпретировать?

– Смотрите сами, – Розмари развернула к себе листок с рунами и указала на четыре руны вокруг остальных. – Эти четыре – символы стихий. Руну Яра – плодородие – можно по-другому интерпретировать как знак земли. Факел – Кеназ – это огонь. Лагуз, озеро, – соответствует воде. Иза – лёд – тоже обычно вода, но иногда ею обозначают воздух. Эти четыре руны не имеют непосредственного отношения к данному ритуалу. Занимаясь магией, мы берём силы именно из окружающей природы, из стихий, и обращаемся к ним регулярно. А вот те руны, которые стоят в центре, представляют для нас гораздо больший интерес.

– Руны, означающие текущий год, движение к цели, память и путь мы, пожалуй, можем опустить, – задумчиво сказал Майкл. – Они несут больше символическое значение. Иваз – защиту – тоже, пожалуй. А вот Хагалаз – смерть, Турризас – скрытые тёмные силы, и Гебу – дар, мне совсем не нравятся.

– А что в «даре» не так? – осторожно уточнила я.

– «Дар» может с тем же успехом означать «жертвоприношение», – зловеще поведала Розмари. – И с большой долей вероятности мы можем утверждать, что именно так всё и будет.

Они с Майклом обменялись долгими мрачными взглядами, а я, подумав, медленно произнесла:

– Но вы сказали, что руны несут больше символическое значение... Значит, они означают лишь некий смысл, который вкладывал этот маг в свой ритуал. Однако что включал в себя сам ритуал? Ведь руны не несут основополагающего значения, верно?

– Вы всё правильно поняли, мисс Эшфорд, – подтвердил Майкл. – Руны придают лишь дополнительную окраску. Смысл самого ритуала нам был понятен с самого начала.

– И в чём он заключался? – поторопила его я, когда красавец-мужчина замолчал. Майкл и Розмари снова переглянулись, словно советуясь, и я сердито выдохнула. – Послушайте, раз уж вы сами пришли ко мне, то, может, хоть на какую-то правду я имею право? Я прекрасно понимаю, что к вашему миру я не имею никакого отношения, но я должна хоть немного понимать, что происходит!

Розмари неохотно кивнула и краем глаза покосилась на свёрток, который они принесли с собой, и который теперь мирно лежал на подоконнике.

– Вы правы, – наконец согласилась она. – Объяснить вам всё происходящее и впрямь будет трудновато, но самое важное, пожалуй, можно. Мисс Эшфорд, вы, наверное, можете себе представить, что окружающая нас природа находится в некоем подобии равновесия? Добро и зло в ней сбалансированы, и, пока этот баланс сохраняется, всё хорошо?

– Ну... могу, – осторожно подтвердила я, слушая очень внимательно и стараясь не пропустить ни слова. Теория о

равновесии сил в природе была не нова и вполне логична, а уж удивить ею современное поколение, выросшее на фантастических фильмах, романах фэнтези и компьютерных играх, и вовсе было сложно.

– Магов издревле считают хранителями этого равновесия в природе, – продолжила Розмари. – И, если говорить совсем коротко, то в недавнее время, буквально несколько дней назад, это равновесие было нарушено. Ритуал же, который провели около Оствика, должен был ещё больше сместить это равновесие. Это как... бросить в пруд крупный камень, чтобы взбаламутить весь водоём. Понятно?

– Вполне, – заверила я её, а потом нахмурилась. – Но зачем это кому-то делать? Нарушение равновесия – это ведь плохо, я правильно поняла?

– Правильно, – подтвердил Майкл. – На вопрос «Зачем?» мы ответить можем – в магически возмущённой среде легче творить особенно сложные и разрушительные заклинания. Так что этот ритуал у Оствика был лишь подготовительным пунктом к чему-то другому. Главный же вопрос здесь – что задумал неизвестный нам колдун, раз ему понадобилась усугубить магический дисбаланс? Что должно последовать за этим ритуалом?

– Дело ещё в том, что эффект от этого ритуала весьма кратковременный, – подхватила Розмари. Они с Майклом вообще легко продолжали мысли друг друга, словно точно знали, что каждый из них скажет в следующий момент. –

Если развить аналогию с прудом и камнем, то круги от брошенного камня разойдутся по всей поверхности, но довольно быстро исчезнут, верно? Вот и здесь то же самое. Что бы этот колдун ни задумал, он будет действовать быстро. У нас есть максимум несколько дней до его следующего шага.

Я ещё немного помолчала, обдумывая услышанное.

– Как же вы определяете, что равновесие нарушено? Как его можно почувствовать?

– Маги ощущают магические возмущения вокруг, – нехотя отозвалась Розмари. Она явно пыталась подыскать правильные слова. – На самом деле не-магу это трудно объяснить. Нужно обладать магическими способностями, чтобы понять, что мы чувствуем. Но обычные люди тоже начинают замечать, что с природой творится что-то неладное. Вы ведь уже слышали об урагане и наводнении, которые произошли буквально на пустом месте? Очень сильный ветер в Лондоне, на который так удобно списывать все разрушения? Это всё последствия нарушения равновесия.

Услышанное требовало самого тщательного обдумывания, поскольку моя голова всё больше напоминала мне кипящий котёл, в котором активно булькали мысли... Но сейчас на это явно не было времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.